

*Посвящается памяти старшего
брата Игоря и друга Андрея*

Эй, вы, задние, делай как я!
Это значит — не надо за мной.
Колея эта — только моя,
Выбирайтесь своей колеей!

В. Высоцкий

Пролог

Уже второй час в салоне стояла тишина, нарушаемая лишь монотонным шумом мотора и мягким стуком подвески на мелких неровностях. Павел бросил короткий взгляд в зеркало; на заднем сиденье царил идилия: Артем, убаюканный долгой дорогой, вольготно развалился на кожаном диване, Юля, обхватив левую руку жениха, уютно пристроила голову на его плече. В самом начале пути, когда только выезжали из города, Артем под одобряющие улыбки Юли позволил себе несколько саркастических замечаний по поводу внезапной блажи папани, решившего, судя по всему, завести всю семью в дремучий лес и устроить феерическое шоу в стиле «Последнего героя» — кто выживет, тот получает все. Однако остроумие его быстро иссякло, последний вопрос прозвучал почти серьезно: «Пап, ты чего, в натуре решил оставить бизнес на Кузнецова на целых пять дней? Не боишься, что накосячит на радостях?»

В который раз за последние месяцы Павел поразился, как изменили сына недавние события. Заигравшись в бесшабашного, самоуверенного и циничного прожигателя жизни, парень вдруг оказался на самом краю. Ему пришлось не только пройти по этому краю, он еще получил возможность коротко, одним глазком, за него заглянуть — заглянуть туда, где за спиной нет крупного отцовского бизнеса, нет восхищенных приятелей и доступных девиц, где жестко спрашивают за содеянное и сказанное,

и где неоткуда ждать привычной помощи. Увиденное явно стало откровением для молодого избалованного отцовской опекой парня, подчеркнутого снобизма в нем резко поубавилось. К тому же (по крайней мере, Павел на это надеялся) Артема не отпускало чувство вины, — забравшись по колено в трясины, он чуть не утащил за собой бросившегося на выручку отца.

Павел быстро посмотрел направо, туда, где по-прежнему, почти прямо, лишь слегка откинув спинку кресла, сидела, сложив руки на коленях, Светлана. Поза расслаблена, глаза закрыты — ее тоже сморила долгая и однообразная езда по прямой, почти пустынной, дороге. Светлана оказалась единственной, кто не выказал никакого удивления, когда Павел объявил семье о намерении отметить 50-летний юбилей не в лучшем ресторане города, а в полузаброшенном деревянном доме на берегу озера. Двадцатилетняя совместная жизнь давно исключила из их отношений лишние и ненужные вопросы. Конечно, Светлана все сразу поняла, ведь удары, которые жизнь щедро раздавала все последние годы, в равной степени пришлось на них обоих, да и тот дом на озере стал частью и ее судьбы. С понимающей улыбкой выслушав бурные протесты Артема и Дениса, давно предлагавших разные варианты грандиозного празднества, она тихо сказала: «Отец так решил, значит, так надо». И лишь вечером перед сном деловито поинтересовалась у мужа: «Паша, ты не знаешь, там хоть газ в баллоне есть? Готовить много придется».

Сзади, будто привязанный, соблюдая постоянную дистанцию, двигался джип Дениса. Павел внутренне улыбнулся, представив, как Денис наверняка продолжает обсуждать с Дашей внезапную прихоть своего дяди, потащившего их в такую глухомань.

Глядя на несущееся под капотом серое полотно дороги, Павел думал о том, что скажет пацанам сегодня вечером,

когда после долгого застолья все соберутся у сложенно-го во дворе кострища из речных валунов, а стены монастыря на другом берегу озера окрасятся розовым в лучах заходящего солнца. Именно так он представлял себе обстановку, в которой расскажет им про все, чему научил его этот покосившийся деревянный дом, ставший сначала пристанищем для троих неприкаянных беглецов, потом убивший одного из них (именно так Павел привык бороться с неизбывным чувством вины — во всем тогда был виноват дом) и не сумевший спасти второго. Парни были слишком похожи на своих отцов, и это Павла немного пугало, потому что за ошибки, которые довелось совершить ему и Роману, в итоге пришлось заплатить слишком высокую цену.

Деревья справа от дороги поредели, и вдали ослепительно блеснули на солнце позолоченные купола монастыря.

— Так, всем подъем! — бодро провозгласил Павел. — Приехали почти. Молодежь, смотрим направо, и пусть кто-нибудь мне скажет, есть ли в нашем городе кабак, из окон которого открывается такой вид.

При полном безветрии гладь озера была похожа на огромное зеркало, отражавшее редкие облака, белые стены монастыря и зеленую полосу леса на дальнем берегу.

— Ну чего, ништяк, — сонно буркнул Артем.

— И правда, красиво, — зевая, поддержала жениха Юля.

...Здесь все осталось таким же, каким было во времена последнего посещения Павла. Посещения, о котором он уже два года безуспешно пытался забыть. Трава и лопухи во дворе разрослись не так буйно, как опасался Павел, специально купивший перед поездкой электрический триммер. Даже поленница дров, заготовленных много

лет назад, оказалась нетронутой. В принципе, если бы не заросший двор и тяжелый, покрытый ржавчиной амбарный замок на двери, дом выглядел вполне обитаемым.

Открыв калитку, Павел, приминая траву и сорняки, прошел через двор и остановился у самого крыльца. В глаза сразу бросилась доска на одной из ступенек, выделяющаяся на фоне почерневшей от времени лестницы своей свежестью. Эту ступеньку Павел ремонтировал сам во время своего последнего посещения. С удивительной четкостью вспомнилось вдруг, как он подбирал тогда в сарае подходящую доску, как обстругивал, прилаживал, обрезал и прибивал, с каким удовлетворением рассматривал идеально выполненную работу. Где-то в глубине большой спортивной сумки был запрятан выключенный телефон, и Павел не знал, что выбрал для этой нехитрой столярной работы тот первый и последний в жизни момент, когда он был по-настоящему нужен Ромке.

Массивная входная дверь по-прежнему выглядела как новая и по-прежнему, Павел был в этом уверен, открывалась легко, без малейшего скрипа. Дверь — единственное, чего не хватало дому в тот день, когда трое молодых ребят впервые увидели свое будущее надежное и гостеприимное пристанище. Марк, самый рукодельный из всех, оглядев сваленную во дворе кучу досок, бревен и деревянных обрезков, сразу заявил, что покупать готовую дверь они не будут — «купим говно, так еще потом под размер не подгонишь», — сегодня переночуют так, а завтра к вечеру все будет в ажуре. «Учитесь, рукожопы», — смеялся он от удовольствия на следующий день, видя изумление вернувшихся из города друзей и демонстрируя добротную, идеально пригнанную к коробке дверь. У него действительно были золотые руки, и, когда удавалось этим похвастаться, Марк, видя восхищение публики, всякий раз радовался, как ребенок.

Светлана замерла около калитки, не спеша входить во двор и глядя на спину застывшего у крыльца мужа. Женское чутье и семейный опыт подсказали ей, что сейчас, эти несколько первых минут, Павлу необходимо побыть одному.

Молодежь кучковалась у машин, парни закурили, девочки с интересом оглядывались. До Павла долетали обрывки их неторопливого разговора:

— Прикинь, двор выкашивать — на полдня работы.

— Глухомань. Чего тут прикольного?

— А тебе не по барабану, где бухать?

— Мальчишки, а какая тут тишина! Не, ну правда, вы послушайте, как тихо.

— Тишина, тишина. Деревня, считай, вымерла вся — вот и тишина.

Павел, отогнав нахлынувшие воспоминания, достал из кармана ключ от дверного замка, обернулся, чуть насмешливо посмотрел на молодых, все еще не решающихся отойти от машин.

— Ну, и чего встали там? Девочки, поможете Свете с продуктами, мальчишки — разгружаем багажники, потом один — триммер в руки и косить, второй будет мне помогать, разгрести тут кое-что придется.

Глава первая

День щедро одарил город последним в этом году теплом. По-летнему яркое солнце заливало унылые, приготовившиеся к зиме скверы с остатками опавшей листвы на дорожках, отражалось в стылых лужах, искрилось веселыми бликами на окнах и витринах. Но уже к вечеру близкая зима недвусмысленно напомнила о себе разомлевшим от непривычного тепла горожанам: поднявшийся ветер нагнал тяжелые, разбухшие от воды тучи, и с наступлением темноты зарядил мелкий и нудный ледяной дождь.

Он опоздал на последний автобус, и теперь ему предстоял неблизкий путь через плохо освещенный притихший город. В первые минуты после душной и прокуренной рюмочной предстоящая прогулка на свежем воздухе казалась даже приятной, но, пройдя всего пару кварталов, он резко ускорил шаг, застегнув молнию и подняв капюшон тонкой болоньевой ветровки. Купленные на барахолке в Лужниках кроссовки — китайский «Адидас» — промокли насквозь после первой же лужи, в которую Павел забрел, не разглядев ее в темноте какого-то узкого переулочка; тонкий джемпер под ветровкой плохо спасал от холодного ветра, и предстоящий путь уже не казался таким коротким. Мелькнувшая было мысль о том, чтобы поймать бомбилу, вызвала лишь легкую усмешку, — перебрав пальцами мелочь в кармане, Павел попытался вспомнить, когда у него в последний раз была возможность вернуться домой на тачке.

Свежий воздух и торопливая ходьба быстро выветривали хмель, а вместе с ним стремительно испарялось и очарование прошедшего вечера. Анька, давно начавшая мутить с Марком, сегодня что-то слишком явно жалась к Витьку, и Павлу весь вечер это было по барабану, но теперь вдруг нахлынула обида за друга — эта мокрощелка, походу, собралась Марка продинамить. Лешка Косой, который, собственно, сегодня за всех башлял, сообщив, что стрельнул денег у родаков (а скорее всего — просто спер), весь вечер старательно подчеркивал свою неожиданную платежеспособность. Ленка, даже когда приходит на халяву бухнуть, продолжает строить из себя целку — сидела вся такая королевна-недотрога. Бурков с Михасем, бывшие однокурсники по технарю, как-то быстро накидались и стали нести на пару всякую херню. В общем, тусовка получилась не то чтобы супер, хотя, конечно, это лучше, чем просидеть весь вечер в комнате, тупо пялясь в телевизор.

Войдя во двор, Павел осторожно, чтобы не громыхнул засов, прикрыл калитку и направился к крыльцу по проложенной между клумбами узкой гравийной дорожке. С первого же взгляда на дом он понял, что впереди предстоит именно то испытание, которого он так надеялся сегодня избежать, — из-за неплотно задвинутых штор в комнате родителей просачивался свет, значит, мать не спит, и значит, вечер закончится очередной душеспасительной беседой.

После беспросветно-муторных четырех лет техникама и еще более тоскливых шести месяцев завода Павел с радостью открыл для себя чувство свободы. Это была свобода от необходимости каждое утро чуть свет вылезать из теплой постели, втискиваться в переполненный автобус, переться через полгорода на постыльную работу, где такие же сонно-похмельные коллеги с самого утра злобно обсуждали очередную задержку зарплаты, улетевшие в космос цены на продукты и перспективы ско-

рого закрытия завода; эта свобода позволяла не считать оставшиеся до субботы дни, не лаяться с занудой-мастером и не ломать голову, как бы потише свалить из цеха, чтобы покемарить часок в каморке комплектовщиц. Но эта свобода имела свою цену, за нее приходилось расплачиваться хроническим безденежьем и регулярными объяснениями с родителями. Правда, безденежье безработного не очень сильно отличалось от безденежья работника Механического завода, а для предков давно была выработана постоянная отмазка: «Да это все временно, дайте хоть оглядеться, поискать чего-нибудь достойное». Нельзя сказать, что такая жизнь полностью устраивала Павла, подвернись действительно интересный вариант, он, возможно, его и не упустил бы, но сам по себе вариант никак не подворачивался, а искать что-то самому почему-то казалось унижительным, да и было откровенно лень.

Несмотря на то что по дороге Павел успел изрядно продрогнуть, зайдя на крыльцо, он не сразу вошел в дом, а, присев на скамейку, достал из промокшей пачки помятую сигарету. Он до последнего оттягивал момент объяснения с матерью и в глубине души надеялся, что именно сейчас, пока курится эта сигарета, она наконец ляжет спать.

Курево не доставило ожидаемого удовольствия: во рту было сухо, паленая водка из рюмочной оставила после себя мерзкий сивушный привкус. При воспоминании о единственном блюде, которое удалось сегодня съесть, — две сморщенные сосиски на бумажной тарелочке с лужицей жидкого кетчупа и кусочком черного хлеба — давно мучивший Павла голод только усилился. Подумав об ужине, дожидаясь его дома всегда, независимо от времени прихода, Павел затушил наполовину выкуренную сигарету и полез в карман за ключами.

Тишину на кухне нарушало лишь мерное тиканье настенных ходиков. На плите стояла закрытая крышкой и плотно

обмотанная полотенцем сковородка. Сняв крышку и обнаружив две котлеты с мелко нарезанной жареной картошкой, Павел решил ничего не греть, перенес сковородку на стол, плеснул в чашку холодного чая и потянулся к хлебнице.

— Разогрел бы хоть.

Мать стояла на пороге кухни, прислонившись боком к дверному косяку.

— Да не, я так, — торопливо проговорил Павел, — ты иди, ложись, я сам тут... потом тоже спать...

Мать прошла к табуретке, села, сложив руки на коленях. Именно так она любила сидеть, глядя, как ужинает, вернувшись вечером домой, муж или кто-то из сыновей.

— Почему так поздно?

— Да так, посидели с пацанами.

Павел намеренно говорил с набитым ртом, стараясь замаскировать все еще слегка заплетающуюся речь.

— Пили опять? — тихо спросила она полуутвердительно-мелким тоном.

В ее голосе не прозвучало упрека, она лишь грустно констатировала печальный, но несомненный факт.

— Да чего там пили-то? Так, символически. Ребят из технаря встретил, сто лет не виделись. Мам, ты иди спать, а? Честно, мне даже разговаривать сейчас трудно — устал реально.

— От чего ты устал? — слегка усмехнулась она. — Ты что, сегодня работал?

Не переставая жевать, Павел картинно закатил глаза к потолку.

— Ой, ма, ну не начинай опять, а? Давай завтра поговорим.

Некоторое время она сидела молча, грустно глядя на уткнувшегося в тарелку сына, потом, чуть слышно вздохнув, проговорила нейтральным тоном, словно озвучивая хорошо знакомую всем информацию:

— Сегодня Надьку Фролову встретила, ее Димка с тобой до восьмого учился, помнишь? Так вот, он теперь в Москве, Надька говорит, в офисе каком-то работает, фирма иностранная, что ли.

— Ха, Димка! У Димки сеструха за кого замуж вышла, Надька твоя не рассказывала? Муженек у нее на «мерсе» шестисотом катается, в Москве делами какими-то рулит. С таким-то зятьком, чего ему не устроиться? Меня бы кто двинул только, я бы сейчас тоже... не хуже Димки.

— Серега Балабанов, тоже одноклассник твой, в Шереметьево работает, а Витька Потапов...

— Знаю, знаю я, — раздражаясь, слегка повысил голос Павел. — Балабанов...

— Тише говори, — перебила она негромким, но требовательным голосом. — Отец спит, ему, в отличие от тебя, в шесть часов вставать.

— Балабанов, — продолжил Павел возбужденным полупшепотом, — в Шереметьево грузчиком за двести баксов сундуки таскает, а Потапов на стройке своей горбатится и того не имеет. Я на заводе этого вдоволь нахлебался, — и после короткой неловкой паузы добавил примирительным тоном. — Ма, ну чего ты опять? Сколько уже говорил вам с отцом: найду я себе чего-нибудь. Только нормальный вариант нужен, понимаешь? За копейки пахать — это не ко мне, хватит. А нормальные варианты на дороге не валяются, время нужно.

— Нормальный вариант, — вдохнула она, поднимаясь. — Где он, этот нормальный вариант? Ладно, давай хоть чаю тебе согрею.

Отойдя к плите и поставив чайник, мать устало добавила:

— Да и не ищешь ты ничего, нам-то с отцом врать не надо. Так и будешь, наверно, болтаться — ни работы, ни семьи.

— Не буду, мам, не буду, — бодро заявил Павел, чувствуя, что тяготивший его разговор явно подходит к концу, — вот Ромка вернется, мы с ним вместе замути́м чего-нибудь. Бизнес какой или еще чего.

— Ромка замути́т... с его-то характером, — с сомнением сказала она и тут же, словно убеждая сама себя, добавила: — А и правда — скорее бы уж возвращался. Может, хоть он к делу какому пристроится и тебя, оболтуса, пристроит.

Мать направилась было к выходу, но на пороге обернулась, посмотрела на вылизанную до блеска тарелку.

— Ты днем-то ел хоть чего-нибудь?

Вопрос звучал многообещающе, — когда совсем поджимало с деньгами, Павел, преодолевая стыд, иногда обращался к матери, рассказывая о том, как завтра будет весь день «бегать по делам», не сможет пообедать дома, и надо будет чего-нибудь перехватить в кафешке. Делать это можно было только в отсутствие отца, который категорически не одобрял подобные подачки: «Не пацан, чтобы на мороженое просить. Здоровый мужик, уж на курево и жратву пусть сам себе заработает».

— Да так, не случилось как-то, — скромно ответил Павел. — Завтра вот не знаю, как быть: парень знакомый на складе одном работает, пригласил подъехать, посмотреть, с начальником поговорить, может, вакансия какая найдется. В общем, обедать, наверно, не получится.

— Понятно, — произнесла мать и направилась, как догадался Павел, в свою комнату за кошельком.

* * *

Мечта о банке холодного пива напрочь подавила в заторможенном похмельном мозгу все остальные желания и мысли. Закрыв за собой калитку, Павел уныло побрел по узкой улице вдоль бесконечной вереницы деревянных

заборов. В таком темпе он сможет добраться до ближайшей палатки минут за двадцать. Где-то на краю сознания мелькнула ленивая мысль: «Вот, например, на этом перекрестке, если палатку поставить, тут бы четыре квартала отоваривались». Мысль оказалась мимолетной, рожденной лишь досадой на предстоящий неблизкий путь, и через мгновение бесследно испарилась. В кармане покоилось несколько мятых купюр, выданных матерью «на обед», и Павел мучительно размышлял, на что лучше потратить невеликую сумму: взять сразу три пива, чтобы полностью прийти в себя, или полечится пока одной банкой, оставив хоть что-то на вечер? Проблема усложнялась тем, что в пачке осталось две сигареты, и покупка курева обещала пробить в его дневном бюджете нехилую дыру.

Подойдя к палатке, — железной коробке с толстой решеткой на окне-витрине — Павел несколько секунд стоял, задумчиво глядя на вытащенные из кармана купюры, потом решительно сунул в узкое окошко половину своего капитала, охрипшим голосом попросив два пива и сигареты. Первую, нетерпеливо сорвав язычок, жадно выпил тут же, отойдя от палатки всего на пару шагов. Замер, прислушиваясь к организму и с удовольствием отмечая, как быстро ослабевают лихорадочный стук в висках, уже спокойно открыл вторую и не торопясь двинулся в сторону центра.

Вообще-то, полечившись пивком, он с удовольствием отправился бы сейчас домой, завалился на кровать и полдня пролежал бы, лениво перещелкивая каналы телевизора, но у матери сегодня был выходной, а рассказанная вчера легенда о напряженных поисках работы, под которую и были получены деньги на еду, обрекала его теперь на бесцельное шатание по городу.

Как только вернулась способность трезво рассуждать, Павел со злостью и досадой вспомнил об еще одной проблеме, которую создал вчера его пьяный язык. Вечером

в рюмочной, когда Лешка Косой, стремясь произвести впечатление на Ленку, в очередной раз распушил хвост, хвастаясь тем, какой он нежадный и как всегда готов угостить в кабаке нормальную компанию, Павел, раздраженный Ленкиной недоступностью и пьяным хвостовством Лешки, неожиданно для самого себя выдал вдруг, что он тоже готов проставиться всей тусовке и через пару дней позовет их не в эту блевотную рюмочную, а в нормальное место — в «Садко». Вспомнив о вчерашнем бахвальстве, Павел поморщился, как от резкой зубной боли, машинально поднес банку ко рту и сделал большой лихорадочный глоток. Увлеченный невеселыми раздумьями, он незаметно для себя добрел до неширокой аллеи-сквера с редкими деревьями и установленными вдоль дорожки деревянными лавками. Павел присел на лавку, поставил недопитую банку на землю между ног и достал сигареты. Создававшаяся ситуация требовала обстоятельного размышления, и он пожалел, что в последний момент решил взять только два пива.

Так, сколько вчера было народу? Допустим, Буркова с Михасем можно не звать, обойдутся, но шесть человек получается по-любому. Сколько стоит посидеть в «Садко» вшестером? Да, и ведь не только посидеть. С Ленкой-козой надо что-то решать. Всюду таскается, пьет-жрет на халяву, глазки строит, лыбится всем, типа «ни вашим, ни нашим». Хорош, короче. Надо поставить вопрос ребром, и случай для этого будет просто идеальный — прямо из кабака отвезти ее... Куда?.. Да хоть в общагу технарскую, знакомых полно, комнату пустую найдут. Да, случай, конечно, идеальный, только вот где раздобыть на все это бабки? Сколько, кстати, понадобится? Баксов триста, не меньше. Заднюю включать поздно, облажаться перед Ленкой, да и перед остальными — невысказано. Сразу представилась картина: Косой, насмешливо глядя

на Павла, но явно работая на публику, с деланным сочувствием заявляет: «Вот так обычно и бывает. Назвался груздем, обосрался и стой».

— Здорóво, Никитин. Чего такой смурной?

Вздвогнув от неожиданности, Павел поднял глаза. Перед лавкой, скрестив руки на груди и чуть насмешливо глядя с высоты своего двухметрового роста, стоял Вован-Самурай. Весь в джинсе (сразу видно: «фирма́», а не турецкое барахло), на ногах — высокие отороченные мехом кроссовки, бритая наголо голова, нарочито небрежно расстегнутый ворот куртки открывал на обозрение толстую золотую цепь.

— Здорóво, Вован. Да не смурной я, так, задумался.

— А хер ли думать? — жизнерадостно отозвался Вован. — Под лежащий камень портвейн не течет. Будешь много думать, станешь умным, но бедным. Прикинь, а я сегодня как раз про тебя вспоминал.

— Про меня?

Интересу со стороны Самурая вряд ли стоило радоваться, но кроме легкого беспокойства Павел почувствовал и пробуждающееся любопытство.

— Ну да, чего-то, думаю, Пашку Никитина давно не видеть. — Он сел на лавку, без спроса поднял с земли полупустую банку, отхлебнул, задрал голову, поморщился. — Фу, чего говно такое пьешь, на нормальный пивас лавэ не нарубил? У Ромыча когда дембель?

— Зимой ждем, может, к Новому году.

— Нормально. Ну, а сам как? Где кантуешься?

— Да так, в общем-то, нигде.

— Ага, нигде, — казалось, этот ответ Вована удовлетворил. — И че, в этом «нигде» бабла-то много отсыпают?

Не дождавшись ответа, он посмотрел на Павла с доброжелательной улыбкой, обхватил его рукой за плечи и дружески встряхнул.

— Чего-то ты, Паша, закис, в натуре. Поди, ни на телок, ни на бухло лавэ у тебя не водится. Пьешь, вон, всякую херню, куришь самосад какой-то. Сидишь тут на засранной скамейке, похмеляешься. Ну, похмелишься — и дальше чего? Это жизнь разве? Жизнь, она, брат, совсем другая.

Мысль, высказанная в столь грубой манере, по сути почти совпадала с тем, о чем твердили родители; Павлу было неприятно выслушивать очередную порцию поучений теперь еще и от этого самодовольного мелкого бандюка, он убрал со своего плеча руку Вована, пробурчал раздраженно:

— Да нормально у меня все, живу — не жалуясь.

— А то и видно, как нормально. Короче, Никитин, — Вован вдруг резко сменил тон, заговорил по-деловому сухо. — Я тебя, в натуре, искал. Хочу, короче, к дельцу тебя одному пристроить, человек нужен, тебя я знаю, ты пацан правильный, а правильных пацанов в округе не дохера.

— Чего еще за дельце?

Какие дела могут быть у Самурая, Павел хорошо понимал и ни в одном из них участвовать не собирался, но где-то в глубине души все же ощутил приятное волнение — вот ведь, доверяют ему, считают нормальным надежным парнем, к тому же это был вообще первый в жизни случай, когда ему делают предложение о работе.

— Короче, тема такая. У меня вчера торчок один отъехал, ну, на точке сидел, товар двигал, сам ширнулся, короче — с концами. Вот, блин, сколько раз зарекался с торчками дела иметь! — Вован достал сигарету, не торопясь прикурил, продолжил рассудительно. — Потому что здесь ведь как? Ты или бизнес делай, или сам торчи, все вместе — хрен получится, передоз схватишь, бабки прощешь, да мало ли что? Кстати, ты, Паша, как я секу, не по

этому делу? — Он выразительно обнажил запястье. — Ну во, я так и подумал: не торчишь, парень грамотный, технарь вон закончил и, главное, знаю тебя с сопливых времен. Короче, работка ништяк — точка пристреленная, без палева, клиенты только свои. Секешь? Это тебе не за вокзалом или на рынке с гопотой всякой дело иметь, там и почируют легко, да и мусора могут принять для отчетности. А здесь — красота, мусора прикормлены, клиенты свои, бабки хорошие. Ну?

Вован смотрел с нетерпеливым ожиданием, сейчас он выглядел человеком, только что вручившим собеседнику счастливый билет.

— Слушай, Вован, — начал Павел, тщательно подбирая слова, — спасибо, конечно, но знаешь, это как-то... без обид, но я чего-то не готов пока.

— Да хорош уже целку из себя строить, — снисходительно ухмыльнулся Самурай. — От такого предложения даже последний лох не откажется. Вообще, Паша, я тебе как пацан прямо скажу: был бы здесь Ромка, я бы ему предложил, он бы не стал жаться, сразу просек бы фишку. Ты-то по большому счету малолетка еще. Хотя, думается мне, толк из тебя выйдет, да и Марк за тебя топтит, вот я и решил...

— Марк? Это чего, он тебе посоветовал ко мне обратиться?

— Да ни хрена он мне не советовал, — чуть раздраженно ответил Вован. — Вы с ним кенты вроде, ну, пару раз базар был за пацанов, он, типа, про тебя говорил, мол, надежный, типа, не сдаст, если чего. А Марку я верю, мы с ним когда-то вместе отжигали не по-детски.

— Слушай, а чего ты ему не предложил?

— Тю, Никитин, ты даешь, — Вована явно развеселил вопрос, — ты чего, в натуре, Марка не знаешь? Он, блин, пашет на дядю, как папа Карло, ему так жить ништяк.

Короче, мне некогда, решай по-бырому, если подписываешься, прямо сейчас на точку тебя поведу знакомиться.

— Не, Вован, я в такие дела не лезу.

— Базара нет, — Самурай щелчком отбросил на середину дорожки недокуренную сигарету. — В таком ра-зе мне пора валить, знаю, с кем еще перетереть можно.

Он поднялся со скамейки, и Павел, не успев обдумать мелькнувшую в голове шальную мысль, вдруг торопливо выпалил:

— Слушай, Вован. Триста баксов не дашь в долг? Очень нужно. Я отдам... через месяц.

Самурай замер, глядя сверху вниз со смесью любопытства и какой-то брезгливой жалости, и Павлу стало вдруг нестерпимо стыдно, он представил, как выглядит сейчас со стороны, в глазах этого наглого отмороженного бандюка: молодой здоровый парень, не способный заработать на то, чтобы развлечь понравившуюся девчонку, мающийся от безделья, покупающий при этом самые дешевые сигареты и клянчащий деньги у первого встреченного знакомого.

— Отдашь, значит, через месяц, — задумчиво повторил Самурай и вновь уселся на скамейку. — А с чего отдавать-то будешь, а, Никитин?

— Да мне самому скоро должны...

— Не гони дяденьке фуфлю, — нетерпеливо перебил Вован. — Короче, слушай сюда, я тебе не папка с мамкой, говорю один раз, повторять не буду. Дурь толкать не хочешь — дело твое, может, и жидковат ты пока для такой работы. Я сегодня добрый, еще один шанс тебе подгоняю. Веселый задумал бизнес расширять, на трассе точки со шмарами открывать будем, с мусорами добазарились, Веселый мне сказал контингент подбирать. Ну, с телками, сам секаешь, проблем нет — если на их долю не жмотиться, они в очередь встанут. Только на каждую точку смотря-

щий нужен, а тут опять засада — пацанов нормальных, проверенных мало. Короче, тема такая: сидишь в тачке, пасешь телок, клиент нарисовался — принимаешь бабки и уступаешь место. Пока девочка работает — куришь в сторонке. Все. Лавэ поменьше, зато риска никакого — это тебе не наркота, за такое на кичман не загремишь. Да еще и бонус нехилый может обломиться, — Вован плотоядно ухмыльнулся, пихнул Павла локтем, — ну, сам секешь, типа, если клиент не прет, девочкам скучно, можно и самому попользоваться. Телки нормальные будут, я уже в общаге текстильного пошарился, навел, так сказать, мосты. Чего, Паша, подпишешься на такую работенку? Один раз предлагаю.

— Ну да, работенка вроде ништяк, — проговорил Павел, напустив на себя солидной задумчивости. Услышав сразу два варианта своего трудоустройства за несколько минут, он был слегка сбит с толку, к тому же очень не хотелось выглядеть в глазах Самурая совсем уж конченным тюфяком, — тут, пожалуй, можно и подумать.

— Думай, — Вован поднялся со скамейки и перед тем как уйти с легкой усмешкой сообщил, — а бабок, Никитин, я тебе не дам. Думаешь, я жадный? Хер угадал. У меня принцип — бабки даю только под проценты. А тебя на счетчик ставить мне не в кайф, ты ж с нашего района. Нужны бабки — я тебе сказал, что делать. Где меня найти, ты знаешь. Все, бывай.

* * *

Павел шел между двумя длинными рядами металлических гаражей. С неба сыпала мелкая колючая крупа — первый в этом году снег. Ворота некоторых гаражей были распахнуты — владельцы, не дожидаясь «дня жестящика», спешили поменять резину.

Он пока не знал, стоит ли рассказывать Марку о вчерашнем поведении Аньки в рюмочной, — не хотелось расстраивать друга раньше времени, но ненавязчиво предупредить, наверно, не помешает. Он решил мягко затронуть эту тему после того, как обсудит главный волнующий его вопрос.

Ворота пятьдесят седьмого бокса были прикрыты, но большой амбарный замок в петлях отсутствовал, значит, автосервис («Данилыч и К^о», как в шутку называл своего работодателя Марк) был готов к приему клиентов, в которых на территории огромного гаражного кооператива недостатка не ощущалось никогда. Внутри было тепло, две большие, установленные в противоположных углах помещения, тепловые пушки с нагнетанием гудением непрерывно гнали струи горячего воздуха. Сервис располагался в пяти гаражах-боксах, между которыми были демонтированы перегородки, в результате чего образовалась довольно обширная площадь, вмещающая в себя две ямы, один подъемник, аппарат для разбортирования колес и разнообразное токарно-слесарное оборудование, установленное на длинной, тянущейся вдоль противоположной от входа стены полке.

Войдя внутрь, Павел сощурился, привыкая после дневного света к царившему в гараже полумраку. В первый момент ему показалось, что в помещении никого нет, потом он различил сгорбленную над верстаком фигуру Данилыча — крупного мужика лет пятидесяти, основателя и владельца «фирмы».

— Добрый день. А Марк здесь?

— На правой яме, — не оборачиваясь и не отрываясь от работы, буркнул Данилыч.

Из-под стоящей на яме «семерки» пробивался свет переноски.

— Паша, ты что ли? — раздался снизу голос Марка. — Подожди, сейчас вот херню эту прилажу. Две минуты.

Не отходя от машины, Павел обвел взглядом знакомое помещение. На соседней яме стояла белая «копейка» с изрядно подгнившими арками, на подъемнике замерла, беспомощно свесив передние колеса, заляпанная грязью «Нива», чей задний мост в полуразобранном виде лежал рядом на куске брезента. В воздухе витал традиционный аромат автомастерской: бензин, разогретый металл, сложная смесь различной автомобильной химии. Павел любил здесь бывать, это место содержало в себе что-то неуловимо притягательное. Казалось, сама атмосфера тут дышит настоящим мужским трудом, спокойной уверенностью профессионалов, несуетливой и важной работой.

Кроме Марка и Данилыча Павел никого не заметил, что казалось странным, — штатный состав сервиса, включая хозяина, состоял из пяти человек.

— Здорово, Паш, — Марк вылез из-под «семерки», вытирая руки ветошью и подавая для рукопожатия не испачканное маслом запястье. — По делу или так, потрепать?

— Да, в общем, и то и другое.

— Добро, пошли в «зону отдыха», сейчас кофейку сообразим. Данилыч, — обратился он к сгорбленной спине шефа, — у «семерки» этой полуось правую менять надо, я клиенту так сразу и сказал, он не поверил чего-то.

— Вот придет, еще раз скажешь, — отозвался Данилыч ворчливо. — И пусть сразу бежит покупать, нам его тачку здесь впустую держать не с руки.

— Скажу. Пока передохну полчаса, приятель вон пришел.

Марк завел Павла в крошечный закуток в углу, отгороженный от остального помещения высоким стеллажом с запчастями. С легкой руки Данилыча сотрудники име-

новали это место «зоной отдыха»: здесь помещался маленький раскладной столик и два низких плетеных кресла. На столе стоял электрический чайник, а на прибитой к стене полке выстроились в ряд банки с кофе, пакеты с чаем и несколько вскрытых пачек печенья.

— Садись, почувствуй себя как дома, — Марк нажал кнопку на чайнике, достал две большие алюминиевые кружки. — Чего-то давненько не виделась, месяца два, наверно. Как сам?

— Нормально.

— Чего с работой?

— Да все так же. Сам знаешь, на заводе за копейки горбатиться кайфа мало, это я уже проходил, а нормальное место где сейчас найдешь?

— Если ничего подходящего пока нет, можно же и временно где-то перебиться, — заметил Марк, разливая в кружки кипяток. — Палатки вон по городу растут, как грибы, туда, небось, продавцы всегда нужны.

— Да ты чего — палатки? Палатки все под черными, они туда одних девок молодых берут, особенно в круглосуточные, чтобы драть их по ночам.

— Ну, не знаю, — с сомнением протянул Марк. — Мне кажется, если реально захотеть, что-нибудь подыскать можно.

Не способный просидеть без дела ни дня, он явно не одобрял праздный образ жизни друга, однако со своим мнением не лез, считая, что каждый должен жить так, как сам считает нужным.

— Слушай, ну если действительно ничего найти не получается, может, давай я с Данилычем перетру? На первых порах, пока не поднатаскаешься, помогать будешь по мелочи, работа всегда найдется.

— Во мне сегодня прет, — засмеялся Павел. — За день уже второе предложение.

— А от кого первое было? — тут же заинтересовался Марк.

— От кого, от кого? От Самурая. Встретил его сегодня случайно.

Марк, не донеся кружку до рта, аккуратно поставил ее на стол и вкрадчиво спросил:

— И что же он тебе предложил, интересно?

— Да чего тут интересного? Самурая не знаешь? Наркотой торговать позвал. Не-не, — добавил торопливо, заметив намерение Марка что-то возмущенно заявить, — я, понятное дело, отказался сразу. Оно мне надо? Так он, прикинь, сразу не отстал, говорит, дурь толкать не хочешь, давай к нам на точку с проститутками, смотрящим, типа.

— Чего-то Самурай добрый стал, — после долгого молчания произнес Марк с подозрением. — Прямо ярмарка вакансий какая-то.

— Говорит, бизнес они расширяют, люди нужны.

— Расширяют они, — Марк отхлебнул кофе, несколько секунд смотрел куда-то в угол долгим задумчивым взглядом, заговорил медленно, словно собираясь с мыслями для долгого рассказа. — Я, Паша, Самурая знаю давно, еще с тех времен, когда он не был никаким Самураем, а был просто Вовчиком. Ты помнишь, мы с ним какое-то время кентами были, бузили вместе. И про сегодняшние его дела я тоже в курсе, он сейчас под Веселым ходит, а Веселый — это проститутки, наркота, угнанные тачки, крышевание рынка. Ты, Паша, держись от всего этого подальше, туда билет в один конец: войти легко, а вот выйти — хрен. У Веселого сейчас дела не очень, говорят, на него айзера конкретно наехали за Центральный рынок, у них скоро вообще война может начаться. Так вот, сдается мне, Веселому сейчас люди нужны — не бойцы даже, а мясо, которое, случись чего, в первую очередь отстрелят.

— Блин, Марк, чего ты со мной, как с маленьким? — начал возмущаться Паша. — Я чего, деревянный, совсем фишку не секу? Вот уж куда-куда, а к бандюкам я не собираюсь ни при каком раскладе. Тоже знаю пацанов, которые, типа, крутыми заделались. Теперь половина на зоне, половина — на кладбище.

— Ну вот и ладненько, — сказал Марк примирительно. — Это я так, на всякий случай, Самурай просто задолбал уже — каждый месяц подкатывает, типа, к себе зовет, тоже золотые горы обещает. Хер с ним, короче, вон, пряник тульский попробуй, свежий еще вроде.

Некоторое время сидели молча, прихлебывая кофе и слушая доносившийся из рабочей зоны протяжный визг, — Данилыч работал на точильном станке.

— наших видел кого? — спросил Марк, повышая голос, чтобы перекрыть шум.

Павел, обдумывающий, как бы ненавязчиво перевести разговор на интересующую его тему, вопросу обрадовался.

— Да вот вчера только в рюмочной у вокзала сидели — Витька, Лешка Косой, Бурков, еще пара пацанов, Ленка была... ну, короче, ништяк зависли. Тебя позвать хотел, звонил домой, тебя не было, мать сказала, не знает, когда вернешься.

— Я бы не смог вчера, — сказал Марк без особого сожаления. — Мы тут «москвичу» одному неделю движок перебирали, срок был до сегодняшнего утра, так мы втроем до ночи копались, Данилыч потом всех по домам развез.

— Да я так и понял. Короче, там Косой проставлялся, бухнули мы неслабо, ну тут я и выдал, — Павел натянуто ухмыльнулся, — короче, заявил, что теперь моя очередь проставляться, типа, всю тусовку в «Садко» гулять буду. Черт меня за язык дернул.

— Нормально выступил, — спокойно произнес Марк. — И теперь, я так понимаю, думаешь, где взять на это бабки?

— Ну да. Я прикинул, баксов двести надо, не меньше.

Павел знал, что Марка как самого сообразительного и рукастого слесаря Данилыч зарплатой не обижают, к тому же друг отличался бережливостью, даже пытался что-то откладывать на черный день, однако в последний момент язык не смог выговорить заветную цифру «триста». Занимать у друга было почему-то стыдно, и он решил, что потом подумает, как сократить бюджет всего мероприятия.

— Я, как устроюсь куда, сразу отдам.

Он сам понимал, насколько иллюзорно звучит такое обещание, но «Ленку надо было добыть», на это требовались деньги, и Павел решил, наплевав на любые унижения, идти до конца.

— Я дам тебе эти деньги, Паша, — Марк взял пустые чашки, сполоснул их из тонкого резинового шланга, торчащего из стены над крошечной раковиной. — Только давай я все-таки перетру с Данилычем насчет тебя? Это не для того, чтобы ты смог отдать долг, просто, мне кажется, если тебя не взять за руку и не привести на работу, сам ты никуда устраиваться не станешь.

Павел так и не сообщил другу о слишком вольном, как ему показалось, поведении Аньки. Уже выходя из гаража, он рассудил, что пока по большому счету и сообщать-то не о чем, мало ли, что вчера с пьяных глаз привиделось.

Глава вторая

Романа демобилизовали в середине декабря, и гулянка в честь благополучного возвращения плавно перетекла в отмечание Нового года и похмельно-муторные после-праздничные дни.

Правда, гулянка эта проходила в основном вне родного дома — с семьей Роман посидел за спешно организованным праздничным столом лишь один раз, вечером после своего прибытия. Где он проводил все остальные дни, было неизвестно даже Павлу. Рома возвращался домой поздно, сильно поддатый, и сразу заваливался спать, частенько не приходил ночевать вообще, и Павел с родителями иногда не видели его по два-три дня. Поначалу родители относились к таким загулам с пониманием: «парень молодой, как дембель не отметить», но вскоре поведение Романа стало вызывать все возрастающее беспокойство. Перед глазами был наглядный пример младшего сына, и отец, возвращаясь вечером с работы, хмуро констатировал: «Что, Ромки опять нет? Все гуляет где-то, оболтус? Уж хватит бы, пора и подумать, чем дальше заняться. И где только он деньги берет на пьянки свои?» Вопрос, на какие шиши Рома ведет столь разгульный образ жизни, волновал и Павла. Пару раз он мягко подступал к брату с этим вопросом, но тот неизменно отшучивался: «Кто рано встает, тому Бог подает. У меня подъем был в шесть, а ты все это время до одиннадцати дрых, откуда ж тебе знать, где деньги берутся?»

Беспокойство родителей, однако, оказалось напрасным. После Нового года прошло несколько дней, Павел с родителями завтракали на кухне (редкий случай — собраться за одним столом почти всей семье удавалось нечасто), когда на пороге возник взъерошенный после похмельного сна Роман. Накануне он вернулся глубоко за полночь, и никто не рассчитывал увидеть его за столом в восемь утра. Обведя кухню долгим, слегка затуманенным взглядом, он хрипло объявил, не глядя ни на кого из присутствующих, будто обращаясь к какому-то невидимому собеседнику:

— Все. Докладываю: младший сержант Никитин бухать закончил.

На лице матери, которая при появлении сына бросилась готовить ему место за столом, мгновенно промелькнула радость. Павел тихо фыркнул и, не удержавшись, язвительно поинтересовался:

— Бабки, что ли, кончились?

— Дурилка ты, Паша, — беззлобно ответил Роман, усаживаясь на спешно приставленную матерью табуретку. — Бабки еще, можно сказать, не начинались.

— Подумал уже, куда устраиваться будешь? — деловито спросил отец.

Они с матерью давно строили планы по поводу трудоустройства старшего сына. Зная вспыльчивый характер Романа, обсуждали их только в его отсутствие, опасаясь показаться навязчивыми. Из армии Рома вернулся с правами категории С, и отец, считая, что шофер — он и в Африке шофер, проживет в любом кризисе, выражал готовность устроить сына на свой комбинат. У матери, всю жизнь проработавшей в торговле, взгляд на будущее Ромы выглядел куда более амбициозным: она мечтала увидеть сына менеджером в солидной коммерческой фирме, коих даже в их маленьком городке расплодилось в избытке.

— Устраиваться? — переспросил Роман, пододвигая к себе тарелку с яичницей. — Конечно, подумал. Давно уже. Вот прямо завтра и устроюсь.

— Ну и слава богу, — вырвалось у матери.

Павел вновь недоверчиво хмыкнул, отец посмотрел на Рому удивленно, но ничего не сказал.

Устройство Романа на работу выглядело весьма своеобразно. Купив длинный телефонный шнур, он перенес аппарат из прихожей в свою комнату и теперь основную часть времени проводил у себя, а из-за плотно прикрытой двери доносился его голос — чаще спокойный, иногда явно раздраженный, а временами срывающийся на крик. Озадаченные таким трудоустройством родители подступали к сыну с расспросами, на которые всякий раз получали один ответ: та работа, к которой они привыкли, — это для тех, кто, прожив в «совке» всю жизнь, просто не способен подстроиться под новое время, а он, Роман, не собирается упускать свой шанс и гробить молодые годы, вкалывая на дядю за копейки.

Павел, полагавший, что может рассчитывать на большую откровенность, тоже изводил брата расспросами, но с ним Рома вел себя еще более замкнуто. Дистанция, которую старший брат негласно установил в общении с младшим, после возвращения Романа из армии не только никуда не делась, но, казалось, стала еще более заметной. Павел, серьезно переживавший такое отчуждение, никак не мог понять его причины. Оба брата с раннего детства одинаково не радовали родителей хорошей учебой и примерным поведением, оба доставляли семье больше хлопот и расстройств, чем поводов для гордости, и, казалось бы, сам бог велел им объединиться, чтобы противостоять попыткам воспитательного воздействия со стороны педсовета и родителей. Однако при общей схожести поведения каждый брат существовал как бы

сам по себе, и инициатором такой ситуации всегда выступал старший. По некоторым случайно прорывавшимся у Ромы фразам Павел сделал вывод, что старший мучается сыновней ревностью, и это было совсем непонятно, поскольку сам он никогда не ощущал своего привилегированного положения в семье. Более того, непростой период, когда семейный бюджет резко сократился, а из холодильника как по волшебству вдруг исчезли залежи дефицитных продуктов, пришлось пройти именно из-за старшего брата.

В седьмом классе количество драк с одноклассниками и хулиганских выходок по отношению к педагогам превысило предел терпения директора, и был поднят вопрос об исключении Романа из школы. Мать чуть ли не со слезами умоляла педсовет дать ее сыну еще один шанс, но учителя, вконец измученные буйным семиклассником, проявили удивительную сплоченность и дружно заняли непримиримую позицию. Тогда Вера Семеновна выложила последний козырь, который приберегала на самый крайний случай: зная, что в школе вакантна должность уборщицы, она предложила на эту неблагодарную и символически оплачиваемую работу себя, заверив педсовет, что в таком случае сможет лично следить за своим беспокойным сыном, чем сильно облегчит жизнь учителям.

Должность буфетчицы в горисполкоме имела массу преимуществ и в небольшом городе, который не мог похвастаться столичным снабжением, вызывала у многих тихую зависть. Обычная пятидневка, без двенадцатичасовых смен и работы в выходные, зарплата, хоть и ненамного, но превышающая заработок продавца в магазине, и, самое главное, почти законный доступ к дефицитным продуктам, поступающим через распределитель.

Все это осталось в прошлом, и семья сразу почувствовала перемену: они не бедствовали — отцовский зарабо-

ток позволял жить, не считая каждую копейку, — но переход на продукты из магазина заставил быстро забыть о многих кулинарных предпочтениях.

Вспоминая ту давнюю историю, Паша испытывал еще бóльшую обиду на брата, упорно воспринимавшего именно его родительским любимчиком и даже бросившего как-то короткую фразу, потрясшую своей несправедливостью: «За тебя, Паша, родичи в лепешку расшибутся, а мне придется добиваться всего самому». Паша надеялся, что за два года службы Рома изменит свое отношение, и был вполне искренен, когда, маясь бездельем, заявлял родителям: «Ничего, вот Ромка вернется, мы с ним вместе чего-нибудь замутим». И вот, вернувшись, Ромка занялся какими-то таинственными делами, но, похоже, подпускать к ним младшего брата даже не собирался.

Эти не совсем обычные отношения между братьями, возможно, продолжались бы и дальше, но произошедший в феврале случай, ставший полной неожиданностью для обоих, все быстро и кардинально изменил.

* * *

С последствиями прошедшего ночью снегопада коммунальные службы явно не справлялись: нечищеную дорогу покрывала густая, замешанная колесами грязно-серая каша. Павел возвращался с дежурства, пробираясь по протоптанной среди сугробов узкой тропинке. Как всегда при утреннем возвращении, дико хотелось спать, и он заранее предвкушал, как после легкого завтрака завалится в постель до самого вечера.

Марк, всерьез озабоченный трудоустройством друга, действительно поговорил с Данилычем, но, не встретив понимания шефа, предпочитавшего брать на работу лишь опытных механиков, на этом не успокоился и че-

рез знакомых — клиентов сервиса нашел Павлу место сторожа на автостоянке. Зарплата оказалась маленькой, зато выплачивалась вовремя, график сутки через трое не напрягал, и Павел почти сразу согласился — надежды на Романа не оправдались, родители уже проели плешь своими наставлениями, да и самому надоело болтаться без дела.

Застывшую на пустынной дороге черную «девятку» он заметил еще издали и, только подойдя ближе, понял, что она припаркована прямо напротив их калитки. Из выхлопной трубы вился дымок, в наглухо тонированной машине кто-то сидел, спасаясь от крепкого утреннего морозца. Павел подошел к калитке, стал рыться в карманах в поисках ключа. Сзади хлопнула дверца машины.

— Эй, парень, погодь-ка.

Через высокий придорожный сугроб неуклюже перебирался щупленький мужичок лет сорока в короткой распахнутой дубленке и поношенных джинсах. Выбравшись на тропинку, он тихо матернулся, очевидно, черпанув снега ботинками, отряхнул снежную пыль со штанов и замер, глядя на Павла с хитроватым прищуром.

— Ты Паша, что ли?

— Ну Паша, что ли. А ты кто?

— Кто? Конь в пальто, — морщинистое лицо расплылось в добродушной улыбке. Мужичок посмотрел на полы своей дубленки и философски добавил: — Ну, не совсем в пальто.

— Слушай, Паш, — спросил он доверительным тоном, будто обращаясь к хорошему знакомому, — а Ромка, брательник твой, где? Мы звонили, похоже, дома никого. Или, может, открывать не хочет?

Глядя на этого добродушного мужичка, на прищуренные глаза, от которых разбегались к вискам сеточки тонких морщин, Павел испытал внезапный укол трево-

ги. Родителей действительно нет, оба на работе, Ромка в такую рань должен быть дома — в последнее время он редко куда-то отлучался, тем более с самого утра. «Звонили» — значит, мужичок не один, в машине еще кто-то. Вспомнилось, как два дня назад Рома всерьез обеспокоил всех домашних, матерно наорав на кого-то по телефону.

— А хер его знает, он мне не докладывается.

— Че, про дела брательника родного вообще не в курсе? — укоризненно покачал головой мужичок. Казалось, такая разобщенность между братьями его не на шутку опечалила.

— Слушай, мужик, я с работы, спать хочу, если чего передать Ромке, говори, да пойду я. Только сразу предупреждаю, — после секундного раздумья на всякий случай решил добавить Паша, — когда его увижу, не знаю, он сейчас дома нечасто появляется.

Мужичок постоял в задумчивой нерешительности, потом, видно, приняв какое-то решение, бодро проговорил:

— Ну что ж, на нет и суда нет. А передать, пожалуй, передай. Передай, Паша, Роме, брательнику своему, что Варган волнуется. Он бабки все собрал, как договаривались, а брательник твой теперь трубку не берет. Нехорошо это. Так и передай, — он поднял палец в нравоучительном жесте, — нехорошо.

Ромы дома не оказалось. Выпив на кухне чая, Павел, как и планировал, завалился в постель, но уже через несколько минут понял, что заснуть не удастся. Из головы не выходил добродушный мужичок из черной «девятки», таинственные телефонные разговоры, которые, по заверениям Романа, способны за один раз принести столько денег, за сколько на сраном заводе нужно пять лет горбатиться.

Паша все еще маялся в постели с открытыми глазами, то и дело переворачиваясь с боку на бок, когда за стен-

кой раздалось треньканье телефона. Он вскочил, будто давно и с нетерпением ждал этого звонка, босиком прошлепал в комнату Ромы, схватил трубку.

— Алло, кто говорит? Рома говорит?

Голос с ярким кавказским акцентом звучал хрипло.

— Нет. Это Павел.

— Павел? Я с Ромой говорить хочу, Рому позови.

— Нет его. Он...

— Слушай, как нет, а? Вчера звоню — нет, сегодня звоню — нет, завтра звоню — опять нет?

— Он придет... скоро. Ему передать чего? Куда ему перезвонить?

— Он знает, куда. Скажи, один день жду. Скажи, со мной не надо шутку шутить. Скажи, если он мужчина, пусть сам придет.

Услышав короткие гудки, Павел положил трубку, вернулся в свою комнату, не торопясь оделся, вышел на крыльцо, сел на скамейку, достал сигареты. Входную дверь, несмотря на мороз, он оставил приоткрытой — внутренний голос настойчиво подсказывал, что нужно ждать как минимум еще одного звонка, и этот новый звонок ни в коем случае нельзя пропустить.

У Ромы явно возникли проблемы, и, делая глубокие нервные затяжки, Паша лихорадочно соображал, где можно попытаться найти брата. В голову не приходило ни одного варианта, — вернувшись из армии, Роман не старался поддерживать отношения ни с кем из старых приятелей. Исключением был только Марк, но он вряд ли как-то связан с новыми занятиями своего друга, к тому же сервис Данилыча находился на другом конце города, телефона там не было, а ехать сейчас к Марку означало риск пропустить важный звонок, который, Паша был в этом уверен, рано или поздно прозвучит. Он не имел ни малейшего представления о людях, с которыми Ро-

ман вел свои беседы, он, по сути, вообще ничего не знал о сегодняшней жизни брата.

Павел зашел на кухню, механически включил чайник — не из желания выпить чаю, просто нужно было чем-то заниматься, пытаюсь заглушить нарастающее в душе беспокойство. Он наливал в чашку кипяток, когда из Роминой комнаты раздался требовательный телефонный звон. Вздрыгнув и едва не пролив на руку кипящую воду, Паша поставил чайник на стол и бросился в коридор.

— Алло, Паша? — в голосе Романа слышалось явное облегчение. — Хорошо, что ты дома.

— Рома, блин, ты где? Тут тебя ищут, мужик какой-то с утра на «девятке» подкатывал, тебя спрашивал, потом...

— Знаю, все знаю, не тарахти, меня послушай. — Рома помолчал, видно, собираясь с мыслями, потом заговорил спокойным уверенным тоном. — Там у тебя под рукой есть, чем записать? Блокнот возьми в верхнем ящике, ручка в подставке торчит.

— Ну, взял.

Деловой тон Романа заметно остудил пыл младшего брата, появилась даже легкая обида: «Я тут испсиховался весь, а он звонит как ни в чем не бывало, команды дает». Но следующие слова Ромы оказались столь неожиданными, что Паша вновь почувствовал нарастающую тревогу.

— Короче, Паша, у меня тут напряги кое-какие случились по работе, нужна твоя помощь. Слушай внимательно и записывай, что сейчас нужно сделать...

...Завод измерительной аппаратуры, когда-то производивший системы наведения для ракет, сейчас мало чем напоминал одно из градообразующих предприятий. Здание заводоуправления, сдающееся под офисы торговых фирм, снаружи было обвешано баннерами

с рекламой строительных материалов, сухого молока, слесарного инструмента, газированной воды и прочих необходимых товаров. В цехах прочно обосновались склады, в ангарных воротах корпусов сновали шустрые электропогрузчики, территория была плотно заставлена коммерческим транспортом от «москвичей-каблучков» до длинномерных фур.

Зайдя на проходную, Паша остановился у вертушки, посмотрел через стекло на развалившегося в кресле охранника, увлеченного просмотром ментовского сериала по маленькому черно-белому телевизору, увенчанному длинными рогами антенны.

— Мне в фирму «Лайф-трейд».

— Третий этаж, с лестницы налево, — охранник не стал отрываться от телевизора, чтобы хотя бы взглянуть на посетителя.

Паша прошел по узкому коридору, читая таблички на дверях и периодически прижимаясь к стене, чтобы разминуться с обитателями многочисленных офисов, с озабоченным видом спешащими по своим неотложным делам. ТОО «Лайф-Трейд Лимитед» располагалось в маленькой комнатухе, в которую удалось втиснуть два стола, одно кресло для посетителей и массивный металлический сейф. Напротив двери, за заваленным бумагами столом, сидел парень лет тридцати, его коротко стриженная голова склонилась над мелко исписанным бланком накладной. Изучая накладную, парень сосредоточенно тыкал пальцами в калькулятор. В кресле для посетителей вольготно развалился очень худой блондин, неторопливо перелистывающий разложенный на коленях глянцевого автомобильный журнал. В комнате стоял жар от установленного под окном обогревателя, но блондин, одетый в длинное черное пальто, почему-то не расстегнул даже верхних пуговиц. В дальнем от входа углу

за маленьким столиком скромно притулилась молодая девица, плящущая в монитор единственного в комнате компьютера.

Появление Павла не вызвало у присутствующих никакого интереса: парень с калькулятором не отрывался от своих расчетов, а девица проворно щелкала мышкой, лишь блондин бросил на вошедшего короткий взгляд исподлобья и вновь углубился в созерцание роскошных иностранных тачек.

— Вам кого? — буркнул парень, не поднимая головы.

— Я от Романа Никитина. Вы Гена?

Казалось, парень вмиг забыл о своих расчетах — подняв глаза, он внимательно посмотрел на вошедшего, коротко переглянулся с блондином, быстро закрывшим и отложившим в сторону свой журнал. Даже девица за компьютером, на секунду оторвавшись от монитора, бросила на Павла заинтересованный взгляд.

— Я-то Гена. А ты, собственно, Никитину кем приходишься?

— Я брат его родной. Меня Паша зовут.

— Ага, — удовлетворенно изрек Гена. — То-то, я смотрю, смахиваешь на него. Ну, проходи, Паша, присаживайся. У нас тут не шибко просторно, вон стульчик возьми, да сюда поставь. Это Валдис, — парень кивнул на блондина, — тоже давно от Ромы вестей ждет.

Паша с трудом втиснул предложенный стул между мусорной корзиной и Гениным столом, уселся боком к хозяину кабинета, уперевшись спиной в стену.

— Ну, так что расскажешь? — спросил Гена скучающим тоном.

Если он явно изображал равнодушие, то Валдис, напротив, сидел в напряженной позе и смотрел на посетителя, словно следователь на подозреваемого, пытливым ожидающим взглядом.

— Рома просил передать, что он сейчас у покупателя. Сказал, лично встретит машины, сказал, деньги у покупателя есть, он сам видел, сказал, расчет будет на месте сразу, сказал, можете своих людей с собой взять, если хотите, только не больше двух человек, а то покупатель занервничает. Деньги передавать Рома будет лично, все расчеты только с ним.

Гена взглянул на Валдиса, тот молча пожал плечами и чуть заметно покачал головой. Вновь повернувшись к Паше, Гена долго рассматривал его с каким-то веселым любопытством. Несколько секунд тишину в комнате нарушали лишь пощелкивание мышки компьютера и шуршание ног в коридоре.

— Это все? — наконец произнес Гена.

— Ну, вроде, — немного растерялся Павел. — Рома сказал, адрес покупателя вы знаете.

Валдис тихо хмыкнул, под его пристальным взглядом Паша чувствовал себя все более неуверенно.

— Мы-то знаем, — сказал Гена и, будто внезапно осененный какой-то догадкой, поинтересовался вкрадчиво. — А вот ты сам-то его знаешь?

Паше стала надоедать роль допрашиваемого дурачка, равнодушно-глумливый тон Гены и тяжелый подозрительный взгляд Валдиса. На смену растерянности пришло раздражение.

— Я, допустим, не знаю, а разве это имеет значение? Ромка просил передать информацию — я передал.

— Понятно, — Гена откинулся на спинку кресла, механическим жестом потер ладони. Теперь он смотрел на Пашу весело, похоже, ситуация его откровенно забавляла. — Слушай, а зачем ты вообще пришел? Все, что ты сказал, мы знали и так. Более того, вчера твоему Роме мы доходчиво разъяснили наши требования, не понимаю, зачем он решил прислать тебя.

Паша вновь почувствовал растерянность. Направляясь сюда, он был уверен, что должен передать важную информацию, после чего все Ромины проблемы решатся сами по себе.

— Ты вообще в курсе, какой гемор нам устроил твой братец?

Правильно поняв причину Пашиного молчания, Гена сам ответил на свой вопрос:

— Не напрягайся, вижу, что не в курсе.

Повернувшись к Валдису и кивнув головой в сторону Паши, он хмуро произнес:

— Во Никитин, во жук. Брательника родного втемную использует.

Валдис впервые нарушил свое угрюмое молчание, заговорив зло, с сильным прибалтийским акцентом:

— Я сразу сказал Рихарду, что не знаю этого покупателя. Что это, наверно, вообще не покупатель, а посредник, что мне очень не нравится эта сделка и я не могу ничего гарантировать.

— Да не ссы ты, — махнул рукой Гена, — не получится с Никитиным — и хрен бы с ним. Неужели ты думаешь, я сам такой товар не пристрою? Да за такую цену с руками оторвут, дай пару дней, найду покупателей — сами приедут, сами бабки привезут, сами перегрузят и еще спасибо скажут.

Валдис как-то криво улыбнулся, — похоже, ему не очень понравилась идея Гены.

— У меня инструкции, — произнес он хмуро, — у меня сроки. Все было оговорено, все должно пройти, как договорились. Рихарду очень не понравятся любые изменения, Рихард не любит, когда меняются планы.

— Думаю, еще больше Рихарду не понравится остаться без своих бабок, — Гена вдруг резко сменил тон с беспечного на холодный, почти угрожающий. — И без товара.

Или он забыл, что живет теперь в другой стране? Здесь Россия, здесь свои правила. Хочешь продавать сюда товар — будь готов к любым неожиданностям.

— Твой братец, — завершив свою отповедь, Гена повернулся к Паше, словно вспомнив о его присутствии, — купил две фуры шампанского.

— Две фуры — чего?! — выгарашил глаза Паша.

Он, конечно, предполагал, что Рома, целыми днями зависая на телефоне, пытается что-то купить или продать, но всегда считал, что речь идет о перепродаже каких-то вещей, может, бытовой техники или компьютеров — всего того, на что можно просто занять денег у приятелей, а потом заработать свой навар и пропить его в кабаке. О продаже товара фурами он, знавший о постигшем брата хроническом безденежье, не мог бы даже подумать.

— Шампанского. «Спуманте», итальянское, слышал о таком? Продавец нашелся в Риге, вот Валдис, его представитель. Фуры вчера прибыли, у меня пока отстаиваются. Договаривались, что Рома твой приедет сюда с бабками. Только он, походу, не приедет. Походу, покупателей он нашел не слишком сговорчивых — черных, короче. Не верят они ему, походу, с бабками отпускать не хотят. Они хотят, чтобы фуры к ним на склад приехали, Роме такой расклад, понятно, не катит — зачем покупатель с продавцом сводить, так можно и без своего навара остаться. Ну, вчера добазарились, что, типа, фуры к их территории подъедут, в ворота заезжать не будут, Валдис бабки в машине пересчитывает, фуры под разгрузку встают. Вообще-то, так обычно и делается: товар приезжает к покупателю. Да вот, — кивок в сторону Валдиса, — сегодня с утра с шефом своим поговорил, тот ни в какую, требует, чтобы бабки сюда приехали.

По голосу Гены казалось, что он сам не одобряет упрямство своих прибалтийских приятелей.

— Вот такая хрень, — заключил свое пояснение Гена. — Я бы, конечно, и сам такой товар взял, да налика столько нет сейчас, дня два нужно, чтобы собрать. Короче, машины стоят, бабок нет. Вернее, есть, но на другом конце города.

— У меня инструкции, — упрямо произнес Валдис.

— Так что будем делать, Паша Никитин? — спросил Гена.

— Ну-у, не знаю, — протянул Паша, — может, позвонить этим, покупателям, объяснить все...

— Э, нет, парень. Звонить им не буду ни я, ни Валдис. Договаривались с Ромой, платит Рома, а уж с кем он сам договорился, у кого бабки взял, сколько себе наварил — это все его дела. Такое посредничество, — усмехнулся Гена, — штука тонкая, крутиться между продавцом и покупателем уметь надо. А Рома твой, сдастся мне, в этом деле новичок, не удивлюсь, если это вообще его первая сделка. Первая сделка — и сразу с черными связался, — закончил он, укоризненно покачав головой.

Валдис нетерпеливо заерзал на стуле — он, казалось, вообще не понимал, зачем вводить в курс дела этого парня, который все равно не в состоянии решить проблему — и заговорил капризным, обиженным тоном, отчего его акцент стал еще заметнее:

— Я хочу звонить Рихарду. Я скажу, что клиент отказывается привозить деньги. Я не знаю этого клиента, я сразу говорил, что ни за что не ручаюсь. Если Рихард скажет, я отправляю машины обратно, мы больше не будем иметь дела с непроверенными людьми, мы не будем иметь дело с «Лайф-Трейд».

— Обратно отправишь? — улыбнулся Гена. — Ну-ну. Посмотрим, далеко ли они уедут.

— Это похоже на угрозу, — в голосе прибалта появилась нотка высокомерия. — Я не понимаю такого...

— Слушайте, — перебил Паша, который, не следя за начинающейся перепалкой, лихорадочно соображал, отыскивая выход из положения. — Я же его брат, так? Ну, я имею в виду, если кто-то не верит, боится, что Рома кинет. Ну... я типа... могу остаться здесь, допустим... или, не знаю... ну, вы понимаете?

В комнате воцарилась тишина. Гена задумчиво разглядывал Пашу, Валдис, уставившись в пол, что-то чуть слышно бормотал, очевидно, продолжая жаловаться самому себе на ненадежность партнеров и дикость российского бизнеса.

— Вот даже как? — нарушил молчание Гена. — Интересное предложение. Необычное, хотя... Ну чего, слышал? — обратился он к прибалту. — У нас тут и так бывает — брат за брата готов ответ держать.

— У меня инструкции. Я не понимаю, какое...

— Ты вот что, — Паше показалось, что он уловил в голосе Гены нотки уважения, — ты сходи-ка покури минут на десять. А тебе, Любаша, по-моему, пора пообедать.

Паша заставил себя выдержать не десять, а пятнадцать минут, в течение которых он выкурил подряд три сигареты и понаблюдал за бурной жизнью оптовых складов в разгар рабочего дня. У дебаркадера стояли на загрузке-разгрузке сразу пять фур, не меньше десятка ожидали своей очереди, выстроившись вдоль длинного бетонного забора. Машины поменьше скромно подъезжали к небольшим боковым воротам, водители суетливо забегали внутрь, выходили обратно, изогнувшись под тяжестью коробок, пакетов и спак, забрасывали товар в кузов, бегло сверяли загруженное количество с накладными и спешили за руль, чтобы успеть добраться к своим точкам до начала вечернего всплеска продаж. Вдалеке, там, где забор изгибался под прямым углом, ограничивая территорию бывшего завода, явно никуда не спеша и не

собираясь вставать под разгрузку, одна за другой скромно притулились две длинные фуры. С такого расстояния Паша не мог разобрать номера, но почему-то сразу решил, что это ждет своей судьбы то самое, купленное его братом Ромкой, итальянское шампанское.

— Можно уже?

— Заходи, заходи. Уже давно можно.

Гена сидел в своем кресле, расслабленно откинувшись на спинку, Валдис стоял спиной к окну, скрестив руки на груди, место Любы до сих пор пустовало.

— В общем так, Паша, — Гена сразу перешел к делу. — Мы тут обсудили твоё предложение, Валдис даже успел сбегать, боссу своему звякнуть. Короче, таможня, — кивок в сторону прибалта, — дает добро. Делаем так: сейчас сюда заедут ребята, это, так сказать, крыша моя, ну, сам понимаешь. Прокатишься с ними, в квартирке одной потусуешься пару часиков. Там у них даже видак есть, так что соскучиться не успеешь. Ну, а как с шампусиком все дела утрясем, гуляй к брательнику своему сделку обмывать. Я правильно излагаю? — Он повернулся к замершей у окна фигуре.

Валдис хмурился, плотно поджав губы и всем своим видом показывая, как не нравится ему этот, почему-то одобренный шефом, вариант.

— Значит, правильно, — оценил Гена молчание прибалта. — Садись, Паш, подождать придется.

* * *

— В общем, мужики, времена сейчас такие: у кого есть товар, тот и банкует. Сейчас товар — главное. Не важно, какой — хоть печенье, хоть гондоны — все с руками оторвут. В магазинах, сами видите, нет ни хера, так что, если оптовую партию добыл, то продать — говно вопрос.

И этим надо пользоваться, сейчас только последние лоша́ры сидят на жо́пе или ждут, когда хозяин получкой о́счастливит.

— Получается, я — лошара, он, — Марк ткнул пальцем в сторону Паши, — тоже лошара, родители твои лоша́ры.

— Причем здесь родители? — досадливо поморщился Рома. — Они не виноваты, что всю жизнь в «совке» прожили, они по-другому не могут уже, им себя переделывать поздно. А вот тебе, Марк, полезно менять послушать. Ты на Данилыча своего горбатишься без выходных и проходных, а что имеешь с этого? Клиент Данилычу запла́тил, а тебе сколько перепало? Сейчас не так надо, сейчас надо по-умному: все, что срубил, — все твое. Ладно, — он быстро наполнил рюмки, — давайте, короче, за нас, за то, чтобы каждому фарт вышел, чтобы каждый поднялся по-взрослому.

Зал ресторана «Садко», считавшегося лучшим в городе, был заполнен лишь наполовину — ценник в меню надежно ограждал заведение от случайно публики. Столики с белоснежными скатертями, бесшумно снующие официанты, тяжелые шторы на высоких, до самого потолка, окнах, круглый подиум в центре с шестом для стриптиза — все тонуло в интимном полумраке, свет давали только крепившиеся по периметру зала настенные светильники. Роман, Павел и Марк занимали самый удобный для неспешных дружеских бесед столик, расположенный в углу, на некотором удалении от барной стойки и подиума, как бы специально обособленный от основной публики.

Роман, заработавший первые серьезные деньги, решил отметить это событие тихо, в компании брата и давнего, со школьных времен, друга — без девок, без шумного застолья, без «догонов» в ночных клубах. Для него было очень важно увидеть восхищение в глазах именно этих

двух парней, и он со сдержанной гордостью рассказывал, как повернул столь выгодную сделку всего через три месяца после возвращения из армии, не имея на старте ни полезных связей, ни денег.

Родителям об источнике денег Роман ничего рассказывать не стал, зато провел наглядную и довольно эффектную демонстрацию своего успеха. Накануне вечером, подъехав к дому на такси, он по очереди занес в прихожую две картонные коробки, потом, никому ничего не говоря и не объясняя, молча отсоединил провода от старенького телевизора в гостиной, давно дававшего такое изображение, что цвета можно было скорее угадать, чем рассмотреть, снял его с тумбочки и водрузил на его место огромный новенький Sony. Распаковал вторую коробку, повозился с разъемами и водрузил на новый телевизор столь же новый видак. Потом повернулся к родителям, с изумлением взирающим на неожиданные новинки, и скромно заявил: «Ты, мать, на стиральную машину давно жалуешься. На этой неделе у меня времени не будет, а вот на следующей в Москву, на “Горбушку” вместе сгоняем, выберешь там сама».

— Можно, конечно, прямо в магазины продавать, они тоже за налик все берут, и навар, понятно, побольше, только я такой фигней заниматься не буду, — Рома закурил, откинувшись на спинку широкого кожаного дивана, принял расслабленно-мечтательную позу и выпустил в потолок струю дыма. — На хрена мне этот гемор — склад снимать, людей набирать? Лучше всего — прямо с колес продавать. Тут главное — продавца отыскать нормального, у которого товар реально есть, а то ведь, — он коротко хохотнул, — можно и на такого, как я сам, нарваться.

— Во-во, — поддержал Марк. — Про таких, как ты, даже анекдот ходит. Встречаются два русских бизнесмена,

один говорит: «Есть вагон меда». Второй: «Беру за пятьдесят штук баксов». Договорились и разошлись, один пошел искать вагон меда, а другой — пятьдесят штук.

— Ну, и такое бывает, конечно, — добродушно усмехнулся Рома. — Риск нарваться в любом деле есть, без риска сейчас никуда.

— Я, кстати, это уже понял, — язвительно произнес Павел. — Насчет риска — особенно. Сидел вот на хате какой-то с двумя мордovorотами и думал, что не зря говорят: кто не рискует, тот не пьет шампанского. Раз Ромке шампанского захотелось, придется рискнуть.

— Ой, Паша, да забудь ты, — с деланой беззаботностью отмахнулся Роман. — Там вообще говно вопрос был: кто к кому приедет. Здесь чурки, там чухонцы, охерели и те и другие, уперлись, как бараны. Тебе бы при любом раскладе ничего не было, это Генка так чухню обработал, чтобы он поверил, фуры согласился гнать.

На самом деле вся эта Ромина беспечность была явно напускной — при воспоминании о внезапно возникших разногласиях с покупателями он до сих пор ощущал в душе неприятный холодок. В последний момент, когда он должен был забрать пакет с деньгами и отправляться за машинами, Варган что-то заподозрил, стал колебаться и в конце концов заявил, что отдаст деньги, только увидев товар. Рома сомневался, что ему удастся убедить латышей, к тому же Варган, который сам взял эти деньги в долг, грозился вернуть их кредитору, если подозрительный посредник решит куда-то свалить. Поэтому отчаянный ход Паши, предложившего себя в качестве заложника, фактически спас сделку. Правда, в такие подробности Рома предпочел брата не посвящать.

— Ты, Пашка, конечно, круто придумал, ну, в смысле, что у них останешься. Но, если честно, там все и так бы решилось.

Чтобы поскорее закрыть неприятную для него тему, Рома вновь заговорил сухим деловым тоном состоявшегося бизнесмена:

— Короче, мужики, я дальше так решил. Пока маза прет, крупнооптовые поставки — самое то сейчас. Связи я кое-какие наработал, на нужных людей вышел. В основном по продуктам. Бабки заработанные нужно в дело вкладывать, я тут подумал, ларьки открывать надо, самая тема сейчас. Паша, раз уж ты мне в первый раз так помог, держать тебя не при делах как-то запаadlo. Палатки предлагаю на тебя оформлять, пойдешь в долю?

— А то, — солидно произнес Павел, тщательно скрывая радость. — Задолбался уже без дела шляться.

— Марк, у меня и про тебя мыслишки кое-какие есть. Давай завязывай уже на дядю вкальвать. Планы большие, люди нужны надежные. Не сотрудники, а партнеры, секешь? У меня только на вас двоих и надежда. К делу нормальному пристроить тебя хочу. Ну, чего молчишь — скажи уж что-нибудь!

— Так у меня ведь тоже новость имеется, — скромно отозвался Марк. — По сравнению с твоими успехами ерунда, конечно, но все же — хоть какое-то продвижение. Я на следующей неделе от Данилыча ухожу.

— Во! — радостно провозгласил Рома. — Наконец-то. За это надо...

Он разлил по рюмкам остатки водки из графина, показал пустую посуду официанту, сделав знак «повторить». Выпив, Марк подцепил вилкой из блюда с соленьями пучок квашеной капусты, смачно закусил, достал сигареты, прикурил от одной из установленных на столе свечей, посмотрел на Романа и заговорил примирительным тоном, будто заранее извиняясь за все, что собрался произнести:

— От Данилыча ухожу, но к тебе, Ромка, ты не обижайся, не пойду. Не по мне это — торговать, не хочу. Все

в торговлю кинулись, все перепродают чего-то, скоро работать некому станет. А у меня руки на месте, я себе кусок хлеба с маслом всегда добуду.

— Ну и где же ты нашел себе этот кусок? — спросил Роман с напускным безразличием.

Он старательно изображал снисходительное равнодушие, пытаясь скрыть поднявшуюся в душе обиду.

— СТО «На Чепеле» знаете?

— Кто ж их не знает? — сказал Павел, допиливая ножом остатки бифштекса. — Раньше там весь город тачки чинил. Говорили, на два месяца запись была.

— Ну вот, а теперь они вообще круто поднялись. Теперь, типа, от Тольятти работают, договор, что ли, какой подписали с АвтоВАЗом. Фигачат в три смены, круглые сутки, мастеров набирают, оформление по трудовой, зарплата нормальная, премии, даже обедами бесплатно кормят. Короче, по-взрослому все. Я вчера у них в кадрах был, сказали, с понедельника выходи, сразу оформим. Вот так как-то.

— Понятно, — нарушил Рома возникшую за столом неловкую паузу. — Те же яйца, только в профиль. Раньше твои бабки один Данилыч себе забирал, теперь начальства немерено будет, всех кормить станешь.

— Ром, я же говорю, не обижайся. Просто хочу работать, как нормальный мужик, руками своими зарабатывать...

— Мы с Пашкой, значит, не мужики? Да ладно, ладно, — прервал он начавшего было возражать Марка. — Проехали. На нет и суда нет.

Официант принес еще один графин, с темы развития Роминого бизнеса разговор быстро перешел на обсуждение знакомых подруг — близких и не очень, — и в полночь, после закрытия ресторана, все трое все-таки отправились за продолжением в ближайший ночной клуб.

Глава третья

— Доброе утро, коллеги. Разрешите представить вам новую сотрудницу: Ковалева Светлана, прошу, как говорится, любить и жаловать. Надеюсь, в скором будущем Светлана будет трудиться у нас менеджером по бронированию, ну а пока, чтобы войти в курс, так сказать, изучить нашу кухню, она прикрепляется к Марии, нашему самому опытному сотруднику. На носу высокий сезон, так что тебе, Маша, ответственный и трудолюбивый помощник, думаю, не помешает.

Леонид Яковлевич, сияя, будто хвастаясь добытым в тяжелой борьбе призом, вывел Светлану на середину большой комнаты, по периметру которой было установлено с десятков рабочих столов. Увидев множество обращенных на нее взглядов, — приветливых, равнодушных, хмурых и даже насмешливых — Света смутилась и, с ужасом поняв, что сейчас начнет краснеть, прибегла к давно испытанному оружию — поспешила улыбнуться всем присутствующим своей фирменной улыбкой — слегка наивной, но доброжелательной и подкупающе открытой. Леонид Яковлевич подвел ее к Марии — строгого вида брюнетке, которой Света навскидку дала бы лет тридцать, и указал на пустующий соседний стол.

— Так, Светланка, вот твое рабочее место, осваивайся пока, знакомься с коллегами, девушки у нас работают хорошие, если что непонятно — всегда помогут и подскажут. Ну, а Маша будет твоим наставником на испытательном сроке.

От внимания Светы не ускользнуло, как при слове «Светланка» Мария бросила на шефа мимолетный, но очень выразительный, полный откровенной насмешки, взгляд. Однако на Свету она смотрела без той подозрительной настороженности, с которой нередко встречаются новеньких сотрудников в большом сработавшемся коллективе, и ее «привет» прозвучал вполне доброжелательно.

— Ну ладно, девушки, всем хорошего дня, работайте. — Леонид Яковлевич окинул комнату взглядом довольно-го хозяина и направился к двери. На пороге обернулся и, добавив голосу строгости, проговорил. — Маша, Юлия, не забудьте, в два часа ко мне на совещание. Напоминаю: до праздников меньше месяца, а по бронированию номеров и туров мы пока не дотягиваем даже до прошлого года. Буду ждать от вас комментариев и конкретных предложений.

С первых же минут своего нахождения в отделе продаж Света стала ощущать дискомфорт, вызванный напряженной и ощутимо нервной обстановкой. Девушки вели бесконечные телефонные переговоры, отчего в комнате стоял монотонный многоголосый шум, а в короткие перерывы между звонками общались между собой мало и как-то неохотно, без обычного для женского коллектива невинного трепса. Иногда казалось даже, что сотрудницы смотрят друг на друга как на соперниц, словно потенциальные невесты, которым достался один жених на всех. В такой обстановке Светлана быстро почувствовала себя неким инородным телом, чужаком, ворвавшимся туда, где его никто не ждал, и уже сомневалась в том, что эта работа, к которой она так стремилась последние месяцы, действительно станет для нее «работой мечты». И лишь Маша, в первый же день превратившаяся для нее в настоящую, а не формально

назначенную наставницу, позже объяснила, почему отдел, состоящий, в общем-то, из нормальных девчонок, в определенные периоды превращается в подобие банки с пауками.

Приближались майские праздники, которые, наряду с новогодними, всегда были самым «сенокосным» периодом — принадлежащий фирме отель — к слову сказать, лучший в городе — заполнялся под завязку, туристические группы с большими экскурсионными программами перли косяками, ресторан ежедневно обеспечивал обедами организованные туры и «диких» туристов, весь персонал фирмы — экскурсоводы, водители, официанты и повара, работники гостиницы — вкалывали с полной загрузкой. Леонид Яковлевич, директор и единственный собственник, при всей своей улыбочности и на первый взгляд демократическом стиле управления, не на шутку выходил из себя в случаях, когда хоть одно из направлений оказывалось не загруженным на сто процентов. В этих случаях долгие и шумные выволочки, которые он устраивал подчиненным, неизменно заканчивались увольнением части сотрудников. Бывало, что после неудачного, по мнению директора, сезона отдел продаж обновлялся наполовину. Угроза увольнения при фактическом отсутствии в маленьком городке другой нормальной работы действовала лучше любого мотиватора, и каждый год уже со второй половины марта сотрудницы, ежедневно поглядывая на календарь и на график бронирования, стремились прыгнуть выше головы ради улучшения личных показателей.

— Так что в мае у нас частенько девчонок увольняют, — сказала Мария, ковыряясь ложечкой в бокале с мороженым. И добавила, многозначительно усмехнувшись. — Правда, не всегда за производственные показатели.

— В смысле? — удивилась Света. — А за что еще?

Они сидели в небольшой уютной кафешке, пристроившейся в торце массивного здания гостиницы. По окончании рабочего дня Маша пригласила новую сотрудницу немного «потрещать за жизнь» и отметить знакомство. Света робко возразила, ссылаясь на полное отсутствие денег, на что Мария беспечно отмахнулась, заявив, что не обеднеет, угостив коллегу мороженым и кофе, и к тому же кафешка, как и ресторан гостиницы, принадлежит фирме, и для сотрудников там почти пятидесятипроцентные скидки.

— Понимаешь, наш Леня любит, как он выражается, вливать в коллектив свежую кровь. Особенно если у этой «крови» груди торчком и круглая попка.

— Он чего же?.. — насторожилась Светлана.

— Ну, не ко всем, конечно, но частенько. К тебе подойдет точно, тут моему опыту можешь верить, у меня глаз наметан. Я, собственно, предупредить хотела, чтобы для тебя это шок не стало, ты, я вижу, к такому раскладу не очень готова.

— Да уж, — растерянно произнесла Света. — Не очень. Главное, когда собеседовал меня, такой дядечка положительный весь, я и подумать не могла.

— Да он, вообще-то, неплохой мужик, видела я начальников и похуже. И кстати, увольняет он все-таки чаще по делу.

— А если я не соглашусь? Слушай, может, мне тогда лучше сразу самой уйти.

— Не торопись, — рассудительно ответила Мария. — Свалить никогда не поздно. Не согласишься — дело хозяйское, но тогда уж будь добра работать так, чтобы комар носа не подточил. Права на косяки ты лишишься. Только я на твоём месте хорошо бы подумала, прежде чем отказываться.

— Слушай, Маш, конечно, неудобно спрашивать, но ты сама-то что, тоже?..

— Я-то? — Маша невольно улыбнулась робости, с которой был задан вопрос. — А как же? Я вообще, можно сказать, первой у него была. Среди сотрудниц, конечно. Я же, Светик, в конторе этой, считай, с первого дня, у истоков стояла, можно сказать. О гостинице своей тогда и мечтать никто не мог, Леня просто купил «Икарус» старый, водилу нанял, сам за экскурсовода был. Потом меня взял, сначала тоже на экскурсии, потом уж по бухгалтерии стал привлекать, у меня же диплом, ну и попозже я начала клиентов искать, с гостиницами договариваться, в общем, стала незаменимой помощницей. Все самим тащить приходилось, работали допоздна, без выходных почти, ну, как-то все само и получилось. Я тогда еще замужем была, мы с Витькой думали ребенка заводить, а как тут заведешь — Витькин завод накрылся, на мою зарплату только и жили. Ну, а потом, видать, надоела ему такая приходящая жена, а может, про Леню пронюхал, короче, свалил он. К маме вернулся.

— А ты чего? — спросила Света.

— А чего я? С годик так покувыркалась — весь день на ногах, вечером — с Леней на диванчике в конторе, а иногда и в «Икарусе» на сиденьях. Домой к себе, кстати, так ни разу и не пригласил. А потом бизнес в гору пошел, людей стали набирать, ну и мне замена быстро нашлась. Но замена только на диванчик, по работе он до сих пор любит на меня все валить, правда, и с зарплатой не обижает, врать не буду. А вообще, мне есть чем гордиться, — Мария засмеялась, и в этом смехе не слышалось ни обиды брошенной любовницы, ни разочарования из-за обманутых надежд. — Этот мой годик — на сегодняшний день абсолютный рекорд. Обычно новой девочки ему хватает

на несколько месяцев — это я тебя сразу предупреждаю, чтобы потом не расстраивалась сильно.

— Да я вообще не собираюсь... — фыркнула Света. — Слушай, а как девчонки потом, ну, эти, бывшие его?

— По-разному. Были и такие, кто сразу в слезы, будто им наобещали всего, а потом, типа, поматросили и бросили. Эти обычно увольняются. Некоторые, как я, спокойно воспринимают, работают как ни в чем не бывало. Но чтобы Леня кого из бывших уволил бы просто так, под настроение — такого не припомню.

— Интересно, — не скрывая любопытства, спросила Света. — Из тех, кто сейчас работает, многие прошли через нашего доброго начальника?

— Да половина примерно, — равнодушно ответила Мария. — Кстати, вот ты сегодня на девчонок посмотрела, много знакомых лиц увидела?

— Слушай, а ведь точно, — удивилась Света после секундного раздумья. — Я как-то сразу и внимания не обратила. Всегда думала, что уж в нашем-то городке девчонок и парней своего возраста или знаю, или раньше видела. А тут — только пара знакомых лиц, в нашей школе, помню, девочки учились, а остальных не встречала раньше.

— Это потому, что Леня не любит брать в сотрудницы местных. Не знаю, может, мужей или бойфрендов опасается, — Маша вновь рассмеялась, такой забавной показалась ей эта мысль. — Так что тебе, считай, повезло. Наверно, очень уж понравилась.

— Да-а, — протянула Света задумчиво, — повезло. Вообще не скучно у вас.

— У нас нормально. Ты, главное, иллюзий особых не строй, когда Леня клеить начнет, а то он, когда в штанах зачешется, много чего наобещать может. А то, что девчонки сейчас психованные, так это у нас сезонное — все трясутся, накосячить боятся.

* * *

— Ну, Свет, надумала чего или как? — судя по тону, Сергей был твердо намерен получить сегодня внятный и окончательный ответ. — Вторую неделю жмешься, давай, определяйся уже, мне через пару дней ехать.

— Не знаю я, Сереж, — медленно проговорила Света, нервно крутя в пальцах сорванный цветок одуванчика. — Вроде правильно все говоришь, только боязно мне как-то мать сейчас одну оставлять. Со здоровьем у нее в последнее время не очень, говорит, на работу стало тяжело ходить.

— Почему одну? У тебя же отец есть.

— Да есть-то он есть, — досадливо поморщилась Света. — Только толку от него... Даже с огородом и то не всегда поможет.

— Хорошо, — Сергей вздохнул и вновь принялся терпеливо перечислять все свои не раз озвученные аргументы. — Давай рассуждать логически. Чем ты сможешь матери сейчас, работая в своей поликлинике и получая позорные копейки, да и то с двухмесячными задержками? Тем более, если ей придется уйти с работы?

— Ну как — чем? По дому помочь, в огороде...

— Ты намного лучше сможешь матери, если станешь присылать ей нормальные деньги. А присылать нормальные деньги ты сможешь только из Москвы, потому что все деньги сейчас там. Я же тебе рассказывал, как Влад устроился, — съехав на любимую тему фантастических московских заработков, Серега, как всегда, воодушевился и принялся в который уже раз пересказывать заманчивую историю своего школьного дружка. — На «Луже» работает — это рынок так называется в Лужниках, там, где стадион, — пока продавцом простым, но говорит, народ там быстро поднимается, многие, с кем

он начинал, уже деньги подкопили, сами стали товар закупать, свое дело открыли. Так вот, они деньги оттуда вывозят в сумках из-под парашюта. Он приставками игровыми торгует, денди-шменди всякие, у них каждое утро «КАМАЗ» заезжает, разгружается, к вечеру — пусто. Прикинь — утром «КАМАЗ» товара, вечером — парашютная сумка бабла. Вот где жизнь! А ты тут, в поликлинике своей, бабкам уколы шлепаешь, сама говоришь, иногда в магазине к ужину ничего купить не можешь, и все тебе боязно. Ехать надо, Светка, в Москву ехать, протухнешь ты тут совсем.

Они сидели в траве на берегу широкого озера, в тени подступавших к самой воде деревьев. Справа доносился плеск, игривые девичьи взвизги и азартное мужское ржание — уютное местечко на озере, скрытое от дороги и городских пригородов неширокой лесополосой, пользовалось популярностью как у ищущих уединения пар, так и у шумных компаний молодежи. Вдоль левого берега озера тянулись белоснежные стены кремля, над которыми в лучах августовского солнца ослепительно сверкали позолоченные купола храмов.

Света догадывалась, что Серега, несмотря на напускную уверенность, все же слегка страшится сделать в одиночку решительный шаг, о котором твердит с момента окончания школы — отправиться на заработки в огромную, такую манящую и в то же время пугающую Москву, где крутятся огромные деньги, но где рядом не окажется ни родителей, ни друзей, где никому не будет дела до его проблем, и, возможно, пробиваться в богатую и независимую жизнь придется через строй таких же амбициозных конкурентов. Они встречались почти год, и, конечно, женское тщеславие нашептывало: он просто не хочет с тобой расставаться, он тебя любит, и ты ему нужна, но все же... Все же в настойчивых призывах Сереги отправить-

ся вместе с ним в Москву Света прежде всего угадывала нерешительность и боязнь. К тому же недавно у Сереги появилась еще одна причина для спешки — он получил повестку из военкомата на медкомиссию, и Москва, в которой он собирался жить без регистрации, должна была надежно укрыть его от осеннего призыва.

— И потом, я же тебя в Москву зову, а не в Америку какую, тут ехать-то четыре часа, если так о матери переживаешь, сможешь к ней хоть каждые выходные кататься. Зато не с пустыми руками приезжать будешь, деньгами станешь помогать.

— Деньгами. А как я их там заработаю? С тобой, что ли, на «Луже» торговать буду?

— Да хоть бы и... Блин, Свет, да что ты сама проблемы придумываешь? Говорю же: это Москва, там столько возможностей, там везде пробиться можно, было бы желание. В конце концов, если тебе так нравится твоя поликлиника, так их и в Москве полно. Только зарплат там не в пример нашей дыре. И кстати, ты же в медицинский поступать собиралась, забыла?

— Собиралась, да не собралась, как видишь. Что-то не решилась в этот раз мать оставить. Может, в следующем году попробую. А в Москве, — добавила она после короткой паузы, — чтобы в поликлинику устроиться, прописка нужна.

— Короче, Светик, — похоже, упрямая нерешительность подружки наконец доконала Серегу. — Я в пятницу сваливаю, с комнатой там уже договорился, к кому подойти насчет работы, мне скажут. Если ты со мной — вперед, если нет — вольному воля.

— В пятницу он сваливает, — буркнула Светлана. — Думаешь, я за два дня смогу уволиться?

— Ну, вот это уже другой разговор, — явно обрадованный, Серега обхватил девушку за плечи, в порыве чувств

притянул к себе, смачно поцеловал в щеку. — Завтра пиши заявление, да вещички собирай. Как со всеми делами разрулишь, так сразу и поедем.

* * *

На самом деле идея перебраться в Москву всерьез увлекла Светлану еще в тот момент, когда Серега озвучил ее впервые. Окончив медицинское училище, она устроилась в одну из двух существующих в городе поликлиник, при этом долгожданное начало самостоятельной жизни и появление собственного заработка не сильно сказались на семейном бюджете: регулярно задерживаемая зарплата едва ли превышала среднюю по городу пенсию. Основным источником дохода в семье по-прежнему оставалась зарплата матери, уже больше тридцати лет работавшей на расположенной за городом птицефабрике. Отец, перепробовавший в жизни множество специальностей — от токаря до сторожа, в конце концов охладел ко всем видам трудовой деятельности, предпочтя поездкам на работу беззаботное домашнее пьянство. Он никогда не впадал в агрессию и не устраивал пьяных дебошей, наоборот, под влиянием алкоголя неизменно становился добродушно-веселым, признавался в любви «своим девочкам», как он называл жену с дочерью, излучал неиссякаемый оптимизм и довольно удачно острил. Однако это веселье обходилось семейному бюджету слишком дорого, и Нина Ивановна постоянно искала новые, еще не обнаруженные мужем места, чтобы понадежней запрятать деньги, что, впрочем, не мешало Славике (по имени-отчеству его не звал никто, даже малолетние пацаны с соседних домов) почти ежедневно «приникать иссохшими устами к источнику живительной влаги». Славика любили за веселый нрав и способность вести непринужденные беседы

на любые темы, поэтому охотно наливали для «поправок здоровья и осмысления действительности».

В такой ситуации выручал огород и небольшое подсобное хозяйство, без которых пришлось бы совсем туго. В последние годы, когда мать стала сильно уставать на работе, основная нагрузка по ведению хозяйства как-то сама собой легла на Светлану. Славик иногда начинал помогать дочери, неизменно демонстрируя в первые полчаса нешуточный трудовой порыв, после чего его энтузиазм стремительно угасал, и горе-работник приводил убойный аргумент, оправдывающий его дальнейшее отсутствие в «зоне сельхозработ».

Понимая, что Серега прав — в родном городке да без всякого образования ей вряд ли удастся подняться куда-то выше продавщицы или официантки, — Света и сама рвалась в Москву, но каждый раз, представив, как матери придется взвалить на себя все заботы по дому и хозяйству, откладывала окончательное решение, привычно убеждая себя в том, что вот уж в следующем году соберется обязательно. Все это существенно упростило задачу Сереги, стремившегося утянуть с собой подругу, — ехать в большой чужой город вместе со своим парнем, который наверняка найдет хорошую работу и к следующему году, когда нужно будет все-таки попробовать поступить в медицинский, уже прочно встанет на ноги, казалось Светлане куда более надежным, чем пробиваться одной. К тому же Света была почти уверена, что, останься она сейчас дома, Серега без труда найдет себе в Москве новую девочку, и через год вряд ли захочет помогать бывшей подруге.

Света решила, что объявит о своем отъезде родителям в последний момент, когда будет уже поздно передумывать и что-то менять, причем сначала она хотела поговорить с отцом, попытаться достучаться до него,

пробить барьер алкогольно-блаженного легкомыслия и объяснить, что теперь именно он, отец, должен будет взять на себя основные заботы о своей стареющей жене. На следующий день после разговора с Серегой она написала заявление об уходе, выдержала тяжелую беседу с главврачом, — при символически мизерных зарплатах поликлиника остро нуждалась в кадрах, и внезапный уход одной из медсестер создавал руководству дополнительные проблемы — выторговала себе одну неделю отработки вместо двух и, возвращаясь вечером домой, испытывала немалое облегчение, как человек, сделавший наконец решительный шаг и сам закрывший себе все пути назад.

Славик лежал на диване перед телевизором, с добродушной ухмылкой наблюдая за экранными перипетиями очередного мексиканского сериала. На столе рядом с диваном стояла бутылка из-под лимонада, примерно на треть наполненная мутноватой жидкостью, а довершала натюрморт тарелка с остатками квашеной капусты. «За самогоном к Глашке бегал, — подумала Света. — Значит, с утра где-то денег надыбал». Проходя мимо кухни, она невольно поморщилась, заметив в раковине целую гору не мытой со вчерашнего дня посуды.

— Привет, пап. Мама еще не пришла?

— О, Светлана, — радостно констатировал отец. — Чего-то ты рано сегодня, а Нины нет еще. Ты садись, давай вместе посмотрим, — он кивнул головой в сторону экрана. — Я вот одного не пойму: чего они все время плачут? Как думаешь, актеры эти, они лук нюхают или им в глаза капают чего?

— Там посуда с вечера не мыта, — устало присев на стул, сказала Света с легким укором. — Мог бы за весь день озаботиться. Ждешь, когда я или мама с работы придем и вымоем все?

— Ой, и правда, — как всегда, когда его упрекали в безделье, Славик принял виноватый вид, причем Света была уверена, что это раскаяние не напускное, — отцу действительно бывало стыдно за то, как мало помощи видят от него «его девочки», но, к сожалению, этим смиренным признанием вины обычно все и заканчивалось. — Не помыл. Представляешь, совсем из головы вылетело, замотался чего-то.

— Замотался? — Света чуть не расхохоталась, но, сдержав смех, вполне серьезно произнесла. — Пап, мне надо с тобой серьезно поговорить.

— Поговорить? — в глазах Славика мелькнуло беспокойство. — Давай поговорим, чего же не поговорить? Отец с дочкой это... завсегда... никаких секретов промеж них...

Он спустил ноги на пол, нащупал тапочки, протянул руку за пультом, убрал до минимума звук в телевизоре, посмотрел на Свету выжидательно, осторожно спросил:

— Про маму чего?

— Нет... то есть, не совсем... ну, в общем, да. Короче, Серега, парень мой, ты его видел...

— Видел, ага, — закивал Славик, перебивая. — Хороший парень, хороший, ты, Светик, его держись, он, сдастся мне, в жизни не пропадет.

— Я и держусь, — слегка раздраженно сказала Света. — Ты не перебивай. В общем, он в Москву уезжает, говорит, работу ему там предлагают, с жильем типа решено все, меня с собой зовет. Короче, я уезжаю, на работе заявление написала, неделю отрабатываю, и в следующую пятницу мы едем.

— В Москву? — переспросил отец, осмысливая услышанное, и тут же расплылся в широкой улыбке. — Так это же здорово, это ж просто замечательно! Дорога-ая моя-я столица, золота-ая моя-я Москва, — попытался пропеть он, но, дав петуха, хрипло закашлялся.

— Я, Светик, вот чего думаю, — радостно продолжил Славик, отдышавшись после каши. — Такой девочке, как ты, самое место в Москве. И то верно — чего тебе тут пропадать? Ну, за это, так сказать, полагается, — он потянулся было к бутылке, но Света его опередила, отодвинув самогон на другой край стола.

— Я сказала, надо серьезно поговорить. Разговор наш еще даже не начинался.

Увидев, как нетерпеливо тянется к бутылке чуть дрожащая рука отца, Света почувствовала острый приступ раздражения, быстро переходящего в настоящую злость.

— Как — не начинался? — удивился отец. — Разве ты не это хотела сказать... ну, что в Москву с Серегой едешь?

— Я хотела сказать, — она заговорила медленно, отчетливо проговаривая каждое слово и не отрывая пристального взгляда от ставшего вдруг каким-то растерянным лица Славика, — что, когда я уеду, на маме повиснет все — добывание денег, работа в огороде, порядок в доме, стирка, приготовление еды, короче — все. Я хотела сказать, что еще в этом году собиралась ехать поступать в медицинский и не поехала только из-за тебя.

— Из-за меня? — очень тихо переспросил отец.

— Я хотела сказать, — продолжала Света тем же тоном, словно не расслышав вопроса, — что и сейчас не уверена, правильно ли делаю, бросая маму наедине с таким помощником, как ты. Ты что, не видишь, какая она в последнее время приходит с работы? Я почти каждый день прошу ее сходить к врачу, а ты хоть раз подумал об этом, хоть раз помог мне ее убедить? Нет, у тебя все хорошо, твои девочки отлично со всем справляются, а значит, жизнь прекрасна — можно поразвлекать приятелей за то, что они тебе наливают, посмотреть сериал, поваляться на диване. А я пришла с работы, мне сейчас надо посуду

помыть, жрать приготовить, грядки полить, курей накормить. А когда я уеду, все на маму ляжет?

Славик сидел, глядя в пол и безвольно уронив руки на колени, в позе человека, покорно принимающего заслуженные упреки и даже не собирающегося защищаться. Света, не привыкшая видеть своего жизнерадостного и шустрого отца-балагура в таком состоянии, почувствовала, как быстро спадают накопившиеся раздражение и гнев. Она спросила совсем другим, устало-безнадежным тоном:

— Пап, ты хоть понимаешь, что я не могу нормально строить свою жизнь до тех пор, пока вижу, что маме не дожидаться от тебя никакой помощи?

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь едва слышными диалогами актеров на экране, и, когда Светлана решила, что так и не получит никакого ответа, Славик медленно поднял голову, посмотрел на дочь тоскливыми, как у побитого щенка, глазами и тихо произнес:

— Я понимаю, доча. Я все понимаю. Ты не думай, я ведь на самом деле... я ведь совсем другим был... Я ведь, знаешь, каким токарем был? Как-то все так получилось нескладно... Ты езжай, езжай спокойно. Мы тут с мамой уж как-нибудь...

Нина Ивановна известие о скором отъезде дочери восприняла спокойно, Свете показалось, что мать давно ждала этой новости и была к ней готова.

— Оно и правильно, ты молодая, чего тебе тут прокисать? Зарплаты стали, вишь, какие — насмешка, да и только. Молодежь вся бежит из города, тебе здесь и жепуха-то путевого не найти, все, кто хоть чего-то может, разъезжаются кто куда, в ту же Москву.

На уверения Светы, что она очень серьезно поговорила с отцом, который обещал подключиться наконец к веде-

нию хозяйства и во всем помогать жене, Нина Ивановна лишь грустно улыбнулась:

— Конечно, поможет, а как же? Ты об этом не думай. Ну, а если вдруг не сложится чего, в Москве-то, помни — здесь твой дом, здесь тебя всегда ждут.

* * *

Бывать в Москве Свете, конечно, случалось — еще в школе несколько раз ездили на экскурсии, потом, уже во времена училища, каталась с девчонками «потусить», на столицу посмотреть и себя показать. От всех этих поездок осталось впечатление какой-то непрерывной суеты, всегда приходилось куда-то спешить, урывками глаза по сторонам и опасаясь затеряться в многоликой и многоголосой толпе, хаотично двигавшейся, казалось, сразу во всех направлениях.

И только теперь, приехав сюда, чтобы обосноваться — очень хотелось в это верить — всерьез и надолго, Света могла рассматривать город спокойно и обстоятельно. И при таком рассмотрении столица предстала перед ней в абсолютно новом качестве. Облик города-торгаша не могли затмить ни вид с Воробьевых гор, ни храм Василия Блаженного, ни зеленые берега Серебряного бора. Над центральными улицами уходили в бесконечность плотные шеренги рекламных перетяжек, каждая из которых настойчиво кричала копошащейся внизу толпе: «Покупай-покупай-покупай!» Ряды коммерческих палаток давно отвоевали у пешеходов большую часть тротуаров, а у каждого выхода из метро по-хозяйски обосновались целые базары из лотков с самым разнообразным товаром. В подземных переходах, наряду с многочисленными музыкантами, появилось множество нищих — калек с написанными на картонках перечнями бед и болезней,

стариков, одной рукой опирающихся на палочку и протягивающих другую за подаванием, шустрых и шумных цыганят, шныряющих в толпе под присмотром своих хитрых и вороватых мамочек. А по соседству с каким-нибудь нищим, сидящим на полу с коробочкой для милостыни в ногах, нередко можно было заметить вполне благополучного на вид мужичка, держащего в руках лаконичное объявление «Куплю золото». Оба ежедневно занимали свое заранее оплаченное место, и многочасовое сосуществование способствовало невольному сближению представителей таких разных профессий — чтобы развеять скуку, они мирно переговаривались, делились новостями, стреляли друг у друга сигареты. Объявлениями с выделенными жирным шрифтом словами «Куплю» или «Продам» были заклеены автобусные остановки, фонарные столбы, двери подъездов и стальные стенки торговых палаток. Казалось, все население многомиллионного мегаполиса, вдруг обнаружив в себе коммерческие способности, дружно искало счастья в оптовой или розничной торговле.

И на фоне этого гигантского базара, где даже нищие гордо ощущали себя настоящими профессионалами своего дела, контрастным пятном выделялась особая, узнаваемая с первого взгляда категория людей, — мужчин и женщин еще не пенсионного возраста, подчеркнута интеллигентного вида в добротной, но уже сильно поношенной одежде, с застывшей в глазах робкой неуверенностью. Эти люди подолгу простаивали перед витринами палаток или прилавками магазинов, перебирая в руках мелкие купюры и мучительно размышляя, есть ли смысл сегодня «гульнуть» и купить не обычные сто, а целых двести граммов колбасы, или лучше побереечь невеликий капитал для завтрашнего пакета молока. Это были настоящие или бывшие работники многочислен-

ных НИИ, КБ, лабораторий и исследовательских центров, часть которых уже закрылась, а другая еще пыталась влачить свое жалкое, ставшее вдруг никому не нужным, существование. Этих людей, наряду со всеми пенсионерами страны, с брезгливой снисходительностью отнесут к особо презируемой категории — категории «невписавшихся в рынок».

Именно такую Москву увидела Светлана, впервые оказавшись в ней не в качестве туриста. Невольное сравнение с тихим старинным городком, в котором она выросла, городком, где знаешь почти всех, где при необходимости всегда есть к кому обратиться за помощью или советом, где спешащий куда-то человек привлекает всеобщее внимание своей непривычной суетливостью, оказалось не в пользу столицы.

Сергея же, напротив, прибыв в Москву, казалось, почувствовал себя в родной стихии. Город источал аромат больших денег, манил туманными, но такими волнующими перспективами, и Сергей был полон решимости взять от этого города все.

Жильем, о котором он договорился еще до переезда, оказалась маленькая пыльная комната, наполовину заваленная пустыми картонными коробками, в малогабаритной «трешке» недалеко от метро «Спортивная». Старая полутораспальная кровать и маленький столик у окна занимали все незанятое пустой тарой пространство. В двух других комнатах компактно проживали еще трое пацанов и две девчонки примерно Серегиного возраста, прибывшие из разных уголков страны и работавшие на расположенной неподалеку «Луже» продавцами. Первый день Сергей со Светой посвятили приведению комнаты в более-менее жилой вид: вытащили на помойку коробки, сделали генеральную уборку, вытрясли покрывало и сменили старое и затасканное постельное

белье на новое, за которым пришлось бежать все на ту же «Лужу». Вечером немного посидели с новыми соседями, слегка выпили «за приезд и знакомство» и, усталые, завалились спать.

Влад заявился в пять утра. Соседи, привыкшие к такому режиму, уже встали, и Серега, едва продрал глаза и успев проглотить чашку растворимого кофе, так до конца и не проснувшись, отправился с приятелем устраиваться на работу. Влад не соврал — у одного из торговцев, владеющего пятью палатками, торгующими игровыми приставками и картриджами и раскинутыми в разных частях огромной территории «Лужи», действительно имелась свободная вакансия продавца и по совместительству товароведа, кассира, грузчика и уборщика. Узнав о зарплате, Серега робко намекнул, что, вроде бы, разговор шел о другой сумме, после чего ему доходчиво объяснили: за воротами уже выстроилась очередь из таких, как он, а тому, кто думает, что, заявившись в Москву, он тут же окажется в шоколаде, лучше сразу валить обратно в свой Мухосранск.

Хозяина, невысокого круглолицего толстячка лет сорока, звали Макс. Первым делом он потребовал Серегин паспорт, пообещав вернуть через несколько дней: «Вся материальная ответственность на тебе. Товара в палатке до хера, да и выручка бывает неслабая, особенно в оптовые дни — по вторникам и четвергам. Утром снял с сигнализации, вечером поставил, все это время за товар и бабки отвечаешь только ты. Паспорт твой я ментам знакомым отдам, они его пробьют, данные твои перепишут, через пару дней получишь обратно».

Рынок открывался в шесть, рабочий день начинался на час раньше — нужно было идти на пульт охраны, снимать палатку с сигнализации, устанавливая витрину на принадлежащих каждому арендатору четырех квадрат-

ных метрах примыкающей к палатке площади, выставлял товар и проверять ценники. В пять вечера заходил за выручкой Макс, после чего вся процедура повторялась в обратной последовательности, и около семи часов Серега, еле волочащий ноги после четырнадцатичасового рабочего дня, наконец оказывался дома. Рынок работал без выходных, и короткие передышки выпадали лишь в те редкие дни, когда в Лужниках проходил большой футбол, если не имеющий своего стадиона Спартак проводил домашние матчи чемпионата России, то рынок закрывался на два часа раньше, а в дни международных игр еврокубка барахолка не открывалась вообще.

Света, намеревавшаяся всерьез готовиться к поступлению в институт, привезла с собой много учебников, но пока все они оказались сложены в углу комнаты аккуратной стопкой. До экзаменов далеко, и главной на сегодня задачей стал поиск работы. Оптимальным вариантом было бы устроиться медсестрой в любую поликлинику — в Москве зарплаты медиков были значительно выше, да и для поступления в медицинский стаж работы оказался бы весьма кстати — но для этого требовалась если не прописка, то хотя бы временная регистрация. Серега навел справки, и с этим вопросом ему обещали помочь, вывести на нужных людей, но процедура требовала денег, и ребята решили урезать расходы до минимума, чтобы, накопив нужную сумму, получить легальный статус вместе. Временная подработка на той же «Луже» как вариант даже не рассматривалась — обе соседки еще в первый вечер, во время кухонных посиделок, откровенно, как о чем-то само собой разумеющемся, рассказали про «дополнительные обязанности», обычно возлагавшиеся на молодых девушек из провинции, которые, приехав в столицу, не нашли другого работодателя, кроме торговца из Лужников.

В результате большую часть дня Светлана проводила в прогулках по Москве. Купив подробный путеводитель, она собирала по утрам маленький рюкзачок, положив туда термос с чаем и пару бутербродов, выбиралась в центр и совершала оттуда многочасовые неторопливые прогулки по разным маршрутам. Больше всего ее привлекали выставки и музеи, но, отказывая себе в любых платных удовольствиях, она предпочитала гулять по паркам, скверам и набережным.

Прошло два месяца, осень давала о себе знать все настойчивей, и прогулки уже не приносили былого удовольствия, когда Серега объявил, что договорился об оформлении временной регистрации, которую позднее, при наличии соответствующей суммы, можно будет переделать в постоянную прописку. Новость пришлась как нельзя кстати еще и потому, что праздная жизнь глазающей по сторонам провинциалки успела Свете изрядно наскучить, к тому же ее стало угнетать положение, при котором она фактически сидит на шее у пашущего с утра до ночи Сереги.

Накопленные за два месяца деньги вместе с обоими паспортами были переданы шустрому парнишке лет двадцати, которого привел все тот же Влад, ставший для Сереги бесценным помощником, советчиком и проводником по бурной и малопонятной пока столичной жизни.

— Слышь, Серый, разговор есть срочный, отойдем.

Влад настойчиво тянул за рукав, выводя Серегу из-за прилавка с игровыми картриджами; по его слегка озабоченному, но возбужденному виду было понятно, что разговор у него действительно срочный.

— Денис, присмотришь тут пока? — обратился Серега к хозяину соседнего лотка с китайскими будильниками, притулившегося к палатке на правах субаренды.

— Не вопрос, посмотрю.

— Слушай, Серый, тут у меня дельце одно наклюнулось, шанс, можно сказать. Я, как въехал в тему, сразу подумал: надо Серого подключать, не хера ему продавцом пахать, да по коммуналкам мыкаться.

— Чего за дельце? — Сергей слегка насторожился, хоть и привык уже во всем доверять более опытному в лужниковских делах приятелю.

— Короче, как у тебя день сегодня?

Разъяснить смысл подобного вопроса не требовалось — для любого работника рынка он имел единственное значение.

— Неплохо, сегодня же вторник. С утра оптовик пер часов до двенадцати, намолотили неслабо. Сейчас, конечно, уже не то — москвичи пошли, розница.

— Отлично, — Влад аккуратно взял Серегу за отворот джинсовки, заговорил быстро, с возбужденным придыханием. — Пацан знакомый примчался, инфу одну на ушко шепнул. Я, как услышал, сразу к тебе. Пацан сейчас на моей точке ждет, я его за себя пока оставил, только времени в обрез, вопрос нужно решать быстро, такие варианты уходят в момент. В общем, слушай сюда: вчера таможня барыгу одного за яйца взяла, не забашлял он им, бабки зажал, так они его бомбанули — партию товара накрыли. Товар — охренеть! Кожа турецкая, целый контейнер. Целый контейнер, Серый, ты прикидываешь, на сколько это тянет?!

— Ну, прикидываю, а я-то тут причем?

— Не въехал еще? А в такие вопросы надо быстро въезжать, а то так и будешь на дядю горбатиться, чужим товаром торговать. Короче, таможня конфискант не оформляла, сливает втихую. У паренька моего там завязки крепкие, ему шепнули, мол, сегодня до трех бабки подгонишь, ночью забирай товар. А самое главное тут

что? — перебил Влад Серегу, собравшегося было задать очередной вопрос. — Самое главное — это цена. Конфискант на таможне, если сразу все забираешь, идет по четверти закупочной цены. По четверти, Серый! Понятно, что тут, на «Луже», им не поторгуешь — барыга товар свой узнает, проблемы будут. Сдавать нужно тоже оптом, айзера за полцены с руками оторвут, я с ними такие дела проворачивал уже, но, конечно, помельче.

— Понятно. И сейчас тебе нужны деньги?

— Нужны, Серый, причем срочно. Таможенники тоже не лохи, ждать не будут, да и про конфискант свой они не только моему человечку шепнули, так что тут все просто: кто успел, тот и срывает банк. Я сегодня тоже бабла намолотил нормально, еще твою выручку добавим, и, считай, полсуммы набрали. Остальное добыю своими, у меня дома есть, я тут не даром второй год верчусь, кое-что отложить успел.

— Погоди, Влад, я опять не въезжаю. Ты выручку свою снял, а чего Арсену вечером скажешь, он же придет за деньгами?

Хозяева, на которых работал Влад, содержали несколько павильонов на расположенной рядом с основным рынком ярмарке и торговали бытовой техникой сомнительного происхождения, но с названиями известных брендов на коробках.

— Арсен сегодня не придет, я деньги должен в сейф убрать до завтра.

— А мой Макс придет. И чего я ему скажу?

— Да когда он придет?.. — нетерпеливо отмахнулся Влад. — Говорю же тебе, счет идет на часы, может, даже на минуты. Сейчас беру твою и свою выручку, дую домой, это минут сорок. Беру бабки из дома, через полчаса встречаюсь с таможенником. С айзерами мой паренек договорится, они ему верят, сделают предоплату, к вечеру

твоя выручка у тебя, моя — у меня, ночью айзеры получают товар, мы с тобой в таком наваре, который ты тут и за год не намолотишь.

— Блин, Влад, ну ты даешь, — замялся Сергей. Ему категорически не нравилась авантюризм озвученной идеи, однако в мозгу помимо воли уже закрутились соблазнительные цифры. — А если чего сорвется, чего-нибудь пойдет не так?

— Если чего сорвется, — произнес Влад внезапно изменившимся жестким тоном. — То ты сдашь выручку завтра, Макс тебе ничего не сделает, поскольку бабки не пропали, но с работы, конечно, попрет, помыкаешься недельку-другую, найдешь себе новое место. Это — риск. Если все выгорит, ты сам пошлешь своего Макса по эротическому адресу и начнешь собственное дело. Решай сам, только знаешь, что я тебе скажу? Засышь сейчас, я все равно сделку проверну, деньги найду по-любому, но, когда арендую павильон и буду набирать людей, ты ко мне наниматься не приходи, я тебя даже телеги с товаром таскать не возьму. Я, Серый, ссыкливых пацанов не люблю, мне с тобой разговаривать будет не о чем.

* * *

— Слушай, Шумилов, да ты, похоже, в натуре, долбень полный. Ты куда работать приехал, ты на «Лужу» работать приехал? Ты же лошара конченный, здесь таких, как ты, на раз обувают. А если бы ему, кроме денег, еще и товар весь понадобился? Сдается мне, ты бы ему еще и погрузить помог.

Самым унижительным было то, что Макс даже не выказывал особой злости, похоже, он был настолько поражен поступком Сереги, что не думал о пропавших деньгах, а рассматривал сидящего перед ним парня с любо-